

Олег ШУШАКОВ

ГОРОШИНА ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

18+

Олег Шушаков

Горошина для принцессы

<https://litres.ru/74071078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ещё вчера Снежана была полна надежд, верила в дружбу и любовь, и мир казался ей светлым и прекрасным...

Как внезапно всё переменилось! Её отец, видный военачальник, арестован по ложному обвинению, а она в одночасье выброшена на улицу, исключена из комсомола и отчислена из института. Подруги отворачиваются от неё. А тот, о ком она мечтала долгими ночами, навязывает ей фиктивный брак. Её ждёт и сладость всепоглощающей любви, и горечь жестокого разочарования

Что ещё должно произойти, прежде чем она начнёт понимать, что её несчастья не случайны, что их направляет чья-то зловещая воля?

События романа развёртываются в 30-х годах XX века. Полных, казалось бы, несовместимых противоречий. С одной стороны - боевые и трудовые подвиги советских людей, с другой – кровавые репрессии, шпиономания и доносительство.

Любви и вере Снежаны предстоит пройти тяжкие испытания. Но только любовь и вера помогут ей выстоять...

Содержание

От автора	4
ПРОЛОГ	6
Минск, начало июня 1933 г.	6
Минск, начало июня 1936 г.	12
Барселона, начало августа 1937 г.	17
Москва, декабрь 1937 г.	26
Ленинград, начало мая 1938 г.	35
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	42
Глава первая	42
Глава вторая	67
Глава третья	91
Глава четвертая	120
Глава пятая	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Олег Шушаков

Горошина для принцессы

От автора

...Ещё вчера Снежана была полна надежд, верила в дружбу и любовь, и мир казался ей светлым и прекрасным...

Как внезапно всё переменялось! Её отец, видный военачальник, арестован по ложному обвинению, а она в одночасье выброшена на улицу, исключена из комсомола и отчислена из института. Подруги отворачиваются от неё. А тот, о ком она мечтала долгими ночами, навязывает ей фиктивный брак. Её ждёт и сладость всепоглощающей любви, и горечь жестокого разочарования...

Что ещё должно произойти, прежде чем она начнёт понимать, что её несчастья не случайны, что их направляет чья-то зловещая воля?

События романа развёртываются в 30-х годах XX века. Полных, казалось бы, несовместимых противоречий. С одной стороны - боевые и трудовые подвиги советских людей, с другой – кровавые репрессии, шпиономания и доноительство.

Любви и вере Снежаны предстоит пройти тяжкие испыта-

ния. Но только любовь и вера помогут ей выстоять...

«Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие?»

Ханс Христиан АНДЕРСЕН

ПРОЛОГ

Минск, начало июня 1933 г.

– Снежка! Ты куда?! Стой!

– Ага, сейчас!

– Подожди!

– А ты догони!

– И догоню!

– Ага!

Сначала Владимир хотел её догнать, а потом махнул рукой. Разве догонишь! Такого сорванца. Он махнул рукой и упал на траву. Бог с ней! Пусть бегаёт сколько хочет! Он упал навзничь, закрыл глаза и раскинул руки в стороны.

Как хорошо вот так лежать и не двигаться...

Он посмотрел в небо. И словно задохнулся.

Потому что прямо ему в глаза смотрели льдисто-серые Снежкины глаза. Безумно близко...

Тихонько подкравшись, она наклонилась к нему и всмотрелась.

Что она могла в нём увидеть?.. Смешная, глупая девчонка! Ведь малявка ещё совсем! Всего-то четырнадцать с небольшим!

Почему же у него так сжалось сердце? Почему всё сжалось

у него внутри в эту долгую-долгую секунду? Почему?

А, может, взять и повалить её на траву? Пощекотать? Пошмеяться? Но что-то не позволило ему это сделать. Что-то, сиявшее в её глубоких, как небеса, глазах... Что?

А тишина звенела, не смолкая...

Наконец это бесконечное мгновение окончилось. Снежна отхлынула от него.

Владимир закрыл глаза и перевёл дыхание. И сразу прорезались звуки окружающего мира. Плеск воды, весёлые голоса отдыхающих, смех и громкая музыка.

Боже мой...

– Мы будем сегодня кататься? – спросила Снежка, стоя над ним.

– Будем, – ответил Владимир, кое-как справившись с сердцебиением.

– Папа, папа! – вдруг закричала она.

– Снежка! Я же тебя предупреждал! Не вопить и не носиться, сломя голову! – комбриг Добрич строго посмотрел на дочь.

Любимую. Единственную...

– Папа! Хочу кататься! – её звонкий голос не понизился и на полтона.

– Снежка! – нахмурился Добрич.

– Да, папа! – подбежала она к нему и замерла, невинно хлопая ресницами.

– Сне-жка!! – строго-настрого сказал комбриг и, не вы-

держав, улыбнулся.

– Папа, папа! – запрыгала она.

– Беги за лодкой!

– Ура! – опрометью кинулась она к причалу лодочной станции.

– Снежка!

Дочка вернулась к нему, и он погладил её по белокурой голове. А потом взглянул на лежащего в траве молодого человека...

– Возьми лодку, Снежка! И... – Добрич махнул головой в сторону Владимира. – Покатайтесь... А я посижу, посмотрю.

– Папа!

– Что, папа?

– Хочу с тобой!

– Ну, ладно.

– Нет, хочу с ним!

Какая же ты у меня поперечливая, подумал он. Вот кому-то счастье достанется!..

Комбриг повернул голову и посмотрел на Владимира. На память он пока не жаловался. Младший лётчик Иволгин Владимир Иванович. Двенадцатого года рождения. Окончил первую военную школу лётчиков. Комэска его хвалил. Лихо летает, хорошо стреляет и ничего не боится. Неплохая была бы пара для Снежки.

В будущем...

Потому что она ещё так молода! Впрочем, молодость с го-

дами проходит. А он всё чаще стал замечать, что годы мелькают, как листки на отрывном календаре.

– Ладно, покатайся с ним, – сказал он.

– Ура! – обрадовалась Снежка и закричала. – Володя! Побежали скорей кататься!

– А где же лодка? – спросил он.

– Сейчас!

Владимир улыбнулся вслед убегающей Снежке. И посмотрел на комбрига.

Георгий Александрович сидел и молча глядел в озеро, обхватив крепкими руками колени. Он полностью ушёл в себя. И тяжело вздохнул, глядя прямо перед собой и ничего не видя.

Наталия была такая красивая... И такая непредсказуемая. Самая любимая!.. Господи, ну почему она так рано их оставила?! Господи, ну почему дочка так на неё похожа?!

Владимир исподтишка разглядывал командира.

Это произошло совершенно неожиданно. Он даже не думал, что сможет однажды оказаться вот так вблизи, рядом с ним, настоящим лётчиком-асом, Героем Гражданской войны, трижды орденосцем, человеком-легендой. Оказаться вблизи не в служебной обстановке, а просто так.

Владимир был дружен с его дочкой, маленькой озорной белобрысой хулиганкой. И, оказавшись в воскресный день на берегу озера совсем один, тут же попал под её весёлое покровительство.

У Снежки были прекрасные отношения со всем миром. Комбриг овдовел много лет назад, и его дочка выросла на лётном поле. И лётчики, и техники отцовской авиабригады баловали её как могли. Наверное, потому что она была такая непоседливая малявка!

Владимир вздохнул. Жаль, конечно, что ей всего четырнадцать.

А вот Тамаре уже двадцать шесть! Он встречался с ней тайком. Она была старше его на пять лет, успела три раза сходить замуж и очень многое умела... Он содрогнулся. Эта женщина в прямом смысле слова высасывала из него все силы! Её губы были такими горячими, а язык таким неутоимым!

Сладкая... Развратная... Ненавистная!

Владимир усилием воли выбросил Тамару из головы. Нельзя о ней думать! Неправильно всё это! Он ненавидел себя за то, что таскался к ней через день, но ничего не мог с собой поделать!

– Воло-дя! – услышал он вдруг Снежкин голос.

Смешная девчонка! Только маленькая ещё совсем.

Снежка... Снежана... Снежная. Чистая, как первый снег! Такая светлая. Такая хорошая...

Она подскочила к нему и сказала:

– Ты долго будешь здесь валяться? Вон лодка! Не видишь что ли, я привела уже?

Владимир схватил её за лодыжки и уронил на траву. А

Снежка смеялась, отбрыкиваясь. Он отпустил её, откинулся и остался лежать, закрыв глаза.

Она навалилась на него и спросила:

– О чём ты думаешь?

– О тебе... – прошептал Владимир.

Снежана отскочила как ошпаренная.

– Ха-ха! – рассмеялся он. – И ты поверила!

– Ха-ха! – рассмеялась она. – Конечно, нет!

А, ведь, поверила...

– Ну что, пойдём кататься?! – поднялся Владимир.

– Пойдём! – улыбнулась Снежка.

– Бежим?

– А догонишь?

– Догоню!

Минск, начало июня 1936 г.

Пора бы уже навести порядок в личной жизни, товариш страшный лейтенант...

Сегодня Владимира вызвали в строевую часть и под роспись ознакомили с приказом, которого он давно уже ждал.

Командир лучшего авиаотряда сто сорок второй истребительной авиабригады Белорусского военного округа, орденоносец, старший лейтенант Иволгин направлялся в Липецк на высшие лётно-тактические курсы. Ему выдали проездные, воинское требование и аттестат.

Теперь, как и положено, предстояло устроить отвальную.

Но думал он не об этом. Помимо прочего, Владимиру надо было объясниться с Тamarой.

Но и это не очень его беспокоило. Насчет Тамары он всё уже решил. Просто не было подходящего случая поставить точку.

Он думал о Снежке.

И до сих пор не мог разобраться в своих чувствах...

Он прекрасно помнил, как однажды, между полётами, его подозвал к себе комбриг. Снежкин отец.

– Володя, – сказал он. – Снежана очень дорога мне. У меня никого больше нет. Вы дружите. И я не знаю, что делать...

Внезапно он схватил его за отвороты реглана и, резко дёрнув, притянул к себе.

– Что ты делаешь?! – прорычал он. – Я ведь всё знаю про твои отношения с Тамарой!!! Зачем ты морочишь голову моей девочке?!

Владимир не мог вымолвить и слова.

Добрич встряхнул его. Приподнял и поставил назад. Смахнул с него невидимые соринки... И отвернулся.

– Товарищ комбриг... – прошептал Владимир. – Георгий Александрович! – он сжал кулаки, прижал их к груди и опустил. – Простите... Я не морочу. Но... Простите... Я не могу. Это...

– Смоги! – сказал комбриг и размашисто зашагал вдаль.

Владимир совсем запутался.

Последнее время они со Снежкой действительно сильно сблизились. Она была удивительной девушкой! Красивой, умной и начитанной. Простой и, одновременно, очень гордой. Иногда задорной, смешливой и проказливой, а иногда такой серьёзной, что не подступишь!

Владимир проводил с ней почти всё свободное время. Они вместе гуляли по вечерам, много и жарко спорили об искусстве, литературе и авиации... Ему было так легко с ней! Так хорошо!

Почему же, проводив Снежку до дома, он плёлся к Тамаре?!

Ведь он не любит эту женщину! И каждый раз, побывав в её постели, сам себя презирает! Сколько раз он давал себе слово больше с ней не встречаться! А потом, проклиная свою

слабохарактерность, вновь оказывался у её дверей.

Комбриг прав! Пора кончать эту бодягу! И дело тут вовсе не в Снежке!

А на самом деле, именно, в ней... И только в ней!

Владимир вышел из штаба и наткнулся на её взгляд. Она стояла у крылечка и болтала с дневальным. Увидела его и тут же отвернулась.

Он спустился по ступенькам и остановился. Красноармеец вытянулся по стойке «смирно», а Снежка улыбнулась и дерзко спросила:

– Что? На повышение пошли, товарищ старший лейтенант?

Владимир покорно склонил голову и тихо сказал:

– Снежка, можно тебя на минутку?

Она замерла, услышав его слова. Махнула своими густыми ресницами. И кивнула:

– Да, конечно.

– Снежка, я уезжаю... – сказал Владимир, отведя её в сторону.

Ей было уже семнадцать... Она стала такая красивая! Пока он сам себя обманывал, она стала такая... Такая!.. А он!

– Снежка...

– Да.

– Снежана...

Стройная золотоволосая ясноглазая девушка подняла на него свои бездонные льдисто-серые очи.

И Владимир потерял дар речи.

– Что ты хочешь услышать? – спросила она.

– Я уезжаю... – сказал он.

– До свидания, – сказала она.

– Прощай! – Владимир горько улыбнулся, махнул рукой

и повернулся, чтобы уйти.

– Стой! – сказала она.

– Стою, – ответил Владимир.

– Ты! – сказала Снежана.

– Я, – ответил Владимир.

Она подошла к нему. Она подошла к нему так близко!
Безумно близко!.. Она просто обжигала его своим светлым,
чистым огнём!

Боже мой!

– Ты уезжаешь? – тихо спросила Снежана.

– Да... – прошептал Владимир.

– Навсегда? – спросила она ещё тише.

– Да, – сжалось всё у него в груди. – Нет... Не знаю...

– Так «да» или «нет»?

– Снежана...

– Что?

– Так надо. Прости, – справился, наконец, с собой Влади-
мир.

– Прощаю... – прошептала она, отвернулась и ушла.

И всё вокруг потемнело...

Но так было надо.

Владимир пошёл в магазин, набрал водки и закуски.

– За Сталинских соколов!

– Ур-р-ра!.. – кричали ребята.

Теперь можно было их ненадолго оставить. Он хлопнул стакан водки и пошёл в столовую. К той, которая выпила его почти до дна.

– Ну, что, мой сладкий, – ухмыльнулась Тамара. – На повышение?

– Почему ты такая? – спросил он.

– Какая? – она подошла и прижалась к нему своими тугими грудями.

– Почему ты – так?! – отодвинулся Владимир.

– Как? – Тамара скользнула руками вдоль него. – Так?.. Или так? – она положила ладони ему на грудь и поиграла пальцами, шаловливо царапая её сквозь ткань гимнастёрки.

И Владимир, сам того не желая, сразу зажёгся. Это было невыносимо!

– Нет! – хрипло сказал он.

– Да!.. Да!.. Да! – шептала Тамара.

Она знала, что делала! Но на этот раз ошиблась.

– Я уезжаю! – из последних сил оттолкнул её Владимир.

Тамара всхлипнула. Он взял её лицо в руки и заглянул в глаза. И ничего в них не увидел. Кроме пустоты.

– Прости, Тамара, но к тебе я больше уже не вернусь! – Владимир закрыл за собой дверь и ушёл.

Насовсем.

Барселона, начало августа 1937 г.

День окончился неудачно...

Впрочем, он всё-таки вернулся домой.

Но эти трёхмоторные прошли. И сбросили свои бомбы.

Владимир до сих пор так и не смог понять. Как можно убивать детей и женщин!? Зачем? Зачем они убивают женщин и детей?! Сволочи!!

Вчера он ездил в город и видел по дороге эти разрушенные улицы, эти обрушившиеся дома, эти потухшие женские лица у водоразборной колонки. Он видел их глаза. И глаза их детей...

Которых каждый день убивают фашисты!

И за это их будет убивать он, старший лейтенант Иволгин! Будет убивать, потому что они – сволочи! Потому что никому никогда нельзя убивать женщин и детей!

Мигуэль, механик его самолёта, подскочил к нему сразу после того, как он зарулил свой «чато» на стоянку:

– Муй бьен, ми капитан! Тодос уа сабе! Ту деррибар эн италиано авион!

Владимир молча сбросил парашют. Ему не хотелось ничего говорить.

Да! Он завалил «Фиат». Но «Юнкерсы» прорвались... Пули их не берут, что ли?! Он всадил в одного почти полбоекомплекта! Фашист задымился, но сумел уйти. Потому что

у Владимира вышли патроны. Вот тебе и «но пасаран».

Он скрипнул зубами. Сегодня они прошли.

Но это в последний раз! В следующий раз он просто ударит эту сволочь собой! И разобьёт об него свой «чато»! Лучше умереть... Чтобы больше не видеть этих уже ни во что не верящих женских глаз.

Владимир швырнул свой шлем об землю и зашагал прочь.

Мигуэль грустно посмотрел ему вслед. Эти русские парни каждый день поднимаются в небо, чтобы сражаться за его Родину. И каждый день их возвращается всё меньше и меньше. Но что он мог поделать...

Мигуэль подобрал шлем и подошёл к «чато», чтобы протереть тряпкой уставшие цилиндры. На глаза навернулись слёзы. Но он сдержался.

Мужчинам плакать нельзя!

Поэтому Владимир просто налил себе вина. Красного как кровь испанского вина. Встал и выпил. Молча. Потому что сегодня из боя не вернулся Сергей.

Хороший парень... Отличный лётчик... Настоящий друг.

Владимир вздохнул. Слава Богу, что не ему придётся прятать глаза перед Серёгиной матерью, сообщая о его гибели. Потом он, конечно, съездит в Оренбург. Потому что обязан рассказать матери, как погиб её сын. Но, может, ещё удастся отвертеться. Может, ему повезёт, и его всё-таки собьют на хрен!

На счету Владимира было уже семь вражеских самолётов,

но сам он до сих пор не имел ни царапины. Впрочем, никому не может везти до бесконечности! Так что шанс ещё есть!

Он сидел один в придорожном кафе.

Доложив Анатолию о том, что видел в бою, в столовую он не пошёл. Толя Серов – свой парень! В доску! И всё понимает. Но Толя – командир! И, ясное дело, никакой самоволки не разрешил бы. Поэтому, никому ничего не сказав, Владимир взял и махнул в город. Это было серьёзным нарушением дисциплины. Но ему необходимо было побыть одному.

Сегодня он не смог спасти друга. Не успел! Но видел, как он погиб. Поэтому сегодня будет лучше, если он побудет один. Чтобы не сорваться...

Солнце уже давно спряталось за красными черепичными крышами. Длинные тени принесли долгожданную прохладу. День тихо угасал.

Маленькое кафе было почти пустым. Лишь в дальнем углу несколько седых, пожилых испанцев, прихлёбывая вино и попыхивая сигаретами, вели неспешную беседу. Может о войне, а может о погоде.

Он сидел у самого выхода. Иногда мимо проезжали машины. Изредка проходили люди. Всё время туда-сюда бежали дети. Но он их не замечал.

Владимир наполнил бокал до краёв и выпил залпом. Может, завтра у него и будет болеть голова. Но это будет завтра... А сегодня он будет пить! Потому что сегодня ему нужно напиться и забыться! А завтра – будь, что будет! Даже ес-

ли придёт его черёд...

А придёт и ладно! Значит, так тому и быть! Но перед этим он загасит ещё одну фашистскую сволочь!

Владимир твёрдо решил при отражении следующего налёта таранить «Юнкерс». Чтобы у остальных трёхмоторных очко играло при виде «чатос»! Чтобы знали, сволочи, что им не пройти! Он сжал кулаки так, что захрустели пальцы.

В этот момент к его столику подошла девушка и молча села рядом.

Незнакомка была очень красива. Узкая талия. Высокая грудь. Пухлые алые губы. Иссиня-чёрные волосы. Огромные карие глаза.

Чем-то неуловимым она напомнила ему далёкую-далёкую Снежку. Такая же юная... Такая же милая...

– Как тебя зовут? – спросил Владимир.

Он уже слегка опьянел, и спросил по-русски. Но она его поняла.

– Исабель. Исабель Фуэгос.

– А меня – Володя. Владимир Иволгин.

– Русо? – Исабель подняла руки и грациозно поправила волосы.

– Советико пилото, – пояснил Владимир.

– Советико! Авиадор! – блеснули её глаза. – Грасияс!

Мучас грасияс!

– За что?

И опять она его поняла. И вместо ответа просто погладила

Владимира по щеке.

– А, ты – красивая, Исабель, – грустно улыбнулся он. И наморщил лоб. Как же это сказать по-испански? – Ту белла, Исабель... Муй белла! Очень красивая!

Она сидела перед ним, сложив руки на коленях. В простом тёмно-синем платье, с алой ленточкой в чёрных волосах. На вид лет восемнадцать. Едва ли больше. Стройная... Милая...

– Исабель, – вдруг спросил Владимир. – А как по-испански «любовь»?

Это было удивительно. Но переводчик им не требовался. А, впрочем, за эти долгие полгода он научился немного понимать испанский язык.

– Амор, – сказала она. А потом взяла его ладонь и прижала её к своей щеке. – Симпатико.

– Милый?.. Эс вердад? Это правда?

– Си.

– Исабель, – сказал Владимир. – Белла морена... Смуглянка...

Она улыбнулась.

– Почему ты здесь? – спросил Владимир, и помотал головой, осознав, что опять говорит по-русски. – Пор ке ту акуи?

Но она его поняла и так.

– Пор ке ту бебе? – Исабель взяла его за руку.

Его встревожил её внимательный взгляд.

– Почему пью?.. Мой друг... – Владимир опустил голову.

– Ми амиго эс муэрто. Погиб в бою... Эн комбате.

– Ах, Володио, – прошептала Исабель и её прекрасные глаза наполнились слезами. – Ло сиенто мучо...

– Да... Очень жаль, – тихо сказал Владимир, а потом спросил. – А хочешь, я тебе его покажу? – он вспомнил вдруг, что у него была с собой маленькая, девять на двенадцать, фотография. Он, Толя и Серёга возле обломков «Юнкерса».

Владимир достал её из нагрудного кармана и показал Исабель:

– Ми амигос. Это – я, это – Анатолий, – тыкал он пальцем. – А это, Сергей.

Крепкие парни в кожаных куртках, стояли, улыбаясь и шурясь на солнце, а за их спиной из земли торчал кусок крыла с ненавистным косым крестом на белом фоне. Исабель разглядывала эти весёлые лица, и её сердце переполняли тепло и благодарность. Наконец-то, она увидела тех, кто, не жалея своих молодых жизней, защищал её от падающей с неба, свистящей и воющей смерти.

– Давай помянем Серёгу, – Владимир налил вина. Ей и себе. И выпил, не чокаясь.

Глядя на него в упор, Исабель медленно осушила свой бокал, а потом вдруг обвила его шею руками и поцеловала.

Начавшись почти как сестринский, её поцелуй с каждой секундой становился всё крепче, всё страстнее. Исабель прижалась к нему, и Владимир даже сквозь свою кожаную куртку, даже сквозь её платье, почувствовал какая у неё упругая

грудь. Фуэгос... То есть, огонь. Она действительно обжигала, как пламя.

Её тонкие пальчики нырнули и запутались в его шевелюре. У Владимира зазвенело в ушах. Жаркая волна прокатилась по телу. Но он не посмел её обнять. Не имел права! И держал свои руки на привязи.

Их поцелуй длился целое столетие...

Когда она, наконец, оторвалась от его губ, Владимир инстинктивно огляделся. Но на них никто не обращал внимания. Исабель продолжала обнимать его за шею и смотрела сквозь свои чёрные ресницы прямо ему в глаза. Она смотрела на него каким-то необычайным, туманным взглядом. И от этого взгляда у Владимира всё сильнее кружилась голова.

– Исабель!.. Но! Но эс посибле!.. Нельзя! Маньяна ми тамбьен... Завтра меня тоже могут убить. Уо эс посибле эс муэрто эн комбате, – шептал он, утопая в её глазах.

– О, тонто... Олвиде де муэрте! О пор ля тарде соло амор! – шептала она.

– Сегодня вечером только любовь? – переспросил Владимир.

Его не просто штормило. Кафе болталось слева направо, как качели. Но он понимал, что это не от вина. Владимира никогда не штормило так даже от водки. Похоже, всё дело было лишь в этой чудесной девушке с алой ленточкой в волосах, которая его сейчас обнимала.

– Си, симпатико, – Исабель встала и, взяв его за руку, по-

тянула за собой. – Бамос, куэридо...

– Куда? Адонде бамос, Исабель? – поднялся он из-за столика вслед за ней.

– Бамос а каса дэ ми.

– К тебе домой?

– Си, куэридо...

Владимир достал из кармана несколько песет, уронил их на столик и, увлекаемый девушкой, вышел из кафе.

Любовь с первого взгляда? Но, ведь, так не бывает!.. Или бывает?

Владимир ничего не понимал. Да и не смог бы. Даже если бы захотел. Потому что не дано это мужчине! Не дано мужчине понять женщину.

Откуда ему понять! Что вокруг война. И смерть... Противоположность жизни.

Когда она увидела его, её сердце так внезапно распахнулось навстречу любви, что Исабель и сама ничего не успела понять! Потому что никогда с ней такого не было!.. Этот широкоплечий рыжий парень с бутылкой вина был так одинок, что она не смогла пройти мимо. А потом, когда увидела его печальные глаза, не смогла оставить одного. А когда поняла, что кроме сегодняшней ночи у него ничего уже не осталось, что завтра его уже не станет, не смогла отпустить.

А когда поняла, что влюбилась, было уже поздно...

Владимир был околдован её поцелуем. И забыл обо всём. Кроме её милых глаз, кроме её нежных губ, кроме её высо-

кой груди и стройных ног.

А она вела его за собой по улице, крепко держа за руку. И волна её иссиня-чёрных волос тихо плескалась на тёплом ветру. Иногда Исабель оборачивалась, бросая на него нежный взгляд. И его сердце под этим взглядом таяло словно воск.

Спротивляться было бессмысленно.

Он и не сопротивлялся...

Москва, декабрь 1937 г.

Грамоту Героя Советского Союза и оба ордена майору Иволгину вручил Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, маленький сухонький старичок в очках, бородка клинышком.

Помня предупреждение его секретаря, Владимир осторожно пожал слабую старческую ладошку и вернулся на своё место.

Ванька Лакеев, которому тоже присвоили звание Героя, помог ему привинтить ордена Ленина и Красного Знамени рядом с орденом Красной Звезды, полученным ещё в мае тридцать шестого за успехи в боевой и политической подготовке...

Владимир вернулся на родину в начале октября. Написал отчёт о командировке и получил законный отпуск и путёвку в Сочи, в военный санаторий имени товарища Ворошилова.

В санатории Владимир мало общался с остальными отдыхающими, хотя многих из них хорошо знал по Испании.

Большинство пилотов и штурманов приехало в Сочи вместе с семьями, и, глядя на счастливые женские лица, он ещё острее ощущал своё одиночество. И словно лелеял его, большую часть времени проводя у бушующего моря совершенно один.

Он молча смотрел на огромные волны, набрасывающиеся

на берег с неукротимой силой, и старался вообще ни о чём не думать...

Постепенно холодное, штормящее Чёрное море остудило его опалённую войной душу. Яркость воспоминаний понемногу потускнела. Но боль утраты никак не уходила.

Владимир всё ещё не мог забыть Исабель...

Прекрасная каталонка оставила глубокий след в его душе, хотя полюбить друг друга по-настоящему они не успели.

В тот единственный вечер в их жизни она молча привела его к себе, в маленькую комнатку на окраине Барселоны. И как только за ними захлопнулась дверь, всё также молча, обвила его шею руками и припала к губам.

Поцелуй был таким жарким и глубоким, что у Владимира снова закружилась голова.

А она то отрывалась от его губ, то снова целовала. Целовала то страстно, то нежно. Прижимаясь к нему всем телом. И он всем телом чувствовал её... А его руки летали по её спине, груди, бёдрам... И голова у него кружилась всё сильнее и сильнее.

Вдруг она отодвинула его от себя и посмотрела ему прямо в глаза своими широко раскрытыми глазами.

Владимир замер, затаив дыхание. А она, глядя на него в упор и глубоко дыша, опустила руки, развязала поясok на своём платье, а потом одним грациозным, невыразимо прекрасным движением сняла его через голову.

Словно тысячи тамтамов застучали у Владимира в ушах,

когда она предстала перед ним почти нагая.

Почти, потому что на ней ещё оставались чулки и туфельки.

Исабель медленно подошла к нему, сняла и уронила на пол его куртку, а затем стала расстёгивать рубашку. Она вся трепетала.

Также, как и он.

У Владимира всё пересохло во рту! Он пылал, как факел в ночи! Но вовсе не потому, что уже очень давно не знал женщины! Это было что-то другое... У него были когда-то женщины. Но внезапно он понял, что такой у него не было никогда!

Если бы только он знал! Если бы только он знал то, что понял лишь тогда, когда уже стало поздно. Тогда он был бы в тысячу раз нежнее.

А, может быть, в миллион...

Она тихо лежала в его объятиях, а Владимир не мог себе простить, что потерял голову и так страстно взял её. Потому что теперь понимал, что оказался её первым мужчиной.

Мучаясь от острого чувства вины, он целовал заплаканные глаза и солёные губы Исабель. Его руки, лаская и успокаивая, нежно скользили по её телу... А Исабель обнимала его, прижимая к себе всё крепче и крепче, разгораясь от его поцелуев всё жарче и жарче.

И они снова принялись страстно ласкать друг друга. А когда, совсем обезсилев, затихли, за окнами давно уже стояла

ночь.

Владимиру пора было уходить.

Он одевался, а Исабель горько рыдала, уткнувшись лицом в подушку. Она плакала так безутешно, что у Владимира разрывалось сердце.

Он встал на колени перед кроватью и стал гладить её густые, пахнущие жасмином, волосы.

– Уо волве, Исабель. Я вернусь, – шептал он. – Уо волве, куэрида.

А она мотала головой и рыдала всё сильнее:

– Но!.. Но!.. Но!..

Тогда он посадил её к себе на колени, крепко обнял и стал целовать милое лицо. Губы, щёки, глаза, лоб... Понемногу она успокоилась и притихла, прижавшись к нему.

– Маньяна... – шептал Владимир. – Уо лъегар маньяна, куэрида. Я приеду завтра, любимая...

И она поверила ему. И отпустила.

Но им не суждено было больше встретиться...

Он шёл пешком почти до самого утра. Шёл по пустой дороге и считал звёзды в чёрном испанском небе. И вспоминал горячие ласки своей Исабель.

Владимир добрался до аэродрома в самое время. На востоке всюду алела рассветная заря. Техники прогревали моторы «чатос».

От выпитого не осталось и следа. Ни запаха, ни похмелья. А сил было столько, что он только удивлялся!

Анатолий с укоризной посмотрел на него, но ничего не сказал. И не спросил...

В этот день Владимир сделал три вылета. В двух из них они столкнулись с «Фиатами» и «Хейнкелями». Но в этих коротких стычках никого сбить ему не удалось. Не удалось ему в этот вечер, и съездить в Барселону.

А наследующий день опять был налёт трёхмоторных.

Звено Владимира, в соответствии с планом боя, отсекло истребителей сопровождения и сбilo двоих. «Москасы» тоже хорошо поработали, разгоняя «Юнкерсы». Но, тем не менее, несколько бомбардировщиков снова прорвались к городу...

Лишь на следующий день Владимиру под каким-то дурацким предлогом удалось отпроситься и съездить в Барселону.

С трепетом приближался он к дому Исабель, мечтая обнять её и прижать к груди. И целовать, целовать, целовать до самозабвения!

Но её дома больше не существовало. Не было его больше...

Прямым попаданием тяжелой авиабомбы, дом Исабель был превращён в груду развалин.

Его сердце зануло от ужасного предчувствия.

А потом он увидел алую ленточку, лежащую в пыли у него под ногами...

Владимир медленно опустился на колени, поднял её и прижал к губам.

Мужчинам плакать нельзя.

А он и не мог.

На следующий день, во время отражения очередного налёта, Владимир, сбив один «Юнкерс» и оставшись без патронов, разогнался и ударил второго по хвосту своим «чато». Фашист рухнул и взорвался на собственных бомбах.

Лишь у самой земли, выброшенный сильным ударом из самолёта, Владимир пришёл в себя на мгновение, дёрнул за кольцо, и вновь потерял сознание.

Когда он вышел из госпиталя, его отправили на Родину...

Внезапно очнувшись от горьких воспоминаний, Владимир огляделся.

Вручение наград окончилось.

Его возбуждённые товарищи, сверкая новенькими орденами на тёмно-синих френчах, поднимались со стульев, шумно переговариваясь и предвкушая большой кремлёвский банкет с руководителями партии и правительства.

А у Владимира на душе было пусто...

Весь декабрь он провёл в разъездах. Его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета по Солнечногорскому округу, и ему пришлось много времени посвятить предвыборным встречам со своими избирателями.

Владимир рассказывал солнечногорцам о справедливой борьбе испанского народа с фашизмом, о героической обороне Мадрида, боях под Гвадалахарой, Теруэлем и Брунете.

Оставаясь один, он доставал иногда алую шёлковую ленточку и долго смотрел на неё. Запах пороха и кирпичной пы-

ли почти уже выветрился. Но, поднося её к лицу, Владимир по-прежнему чувствовал тонкий и нежный аромат жасмина...

Со временем его боль понемногу притупилась.

Герой Советского Союза майор Иволгин был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва единогласно (явка – девяносто девять и девять, «за» – девяносто девять и девять). Впрочем, иначе, наверное, и быть не могло.

Они встретились в фойе Колонного зала Дома Союзов в одном из перерывов во время первой сессии Верховного Совета. Помощник по ВВС командующего войсками Ленинградского военного округа комдив Добрич тоже был избран депутатом.

– Ну, здравствуй! – сказал он, обнял и похлопал Владимира по спине.

– Здравствуйте, Георгий Александрович! – ответил тот.

– Возмужал, возмужал! Вся грудь в орденах!.. Настоящий Герой!

– Да, что вы, товарищ комдив! – смущённо улыбнулся Владимир в ответ.

– Ладно, ладно, не прибедряйся! Читал я твой отчёт о командировке в Испанию. По долгу службы, само собой! И указ читал о твоём награждении. Но отчёт – отчётом, а надо как-нибудь посидеть, поговорить поподробнее! Как думаешь, найдём время?

– Очень хотелось бы, товарищ комдив! – сказал Влади-

мир.

Но ещё больше ему хотелось встретиться не с комдивом, а с его дочерью.

Снежана... Как она?

Он вдруг с пронзительной горечью вспомнил их последнюю встречу. И его сердце защемило, как будто это произошло только вчера.

Владимиру очень хотелось спросить комдива, как Снежана. Но заговорить о ней он не решался.

И, всё-таки не мог не заговорить.

– А как... – неуверенно начал он. И вдруг замолчал на полуслове. Потому что у него перехватило горло.

Владимиру очень хотелось расспросить, как дела у Снежки. Есть ли у неё кто-нибудь? Не влюблена ли она? Не вышла ли уже, не дай Бог, замуж?

Добрич не стал ему помогать.

Нет, он не собирался мучить этого парня. Просто ему хотелось понять, хотелось почувствовать, не ошибся ли он в нём когда-то, решив про себя, что тот может сгодиться в зятья.

– А как... – с трудом выдавил из себя Владимир. – Как Снежана?... Как у неё дела?

– Нормально дела, – ответил комдив, немного помолчав для порядка. – Взрослая уже совсем стала. В медицинском институте учится на втором курсе.

Ему незачем было мучить Владимира, но очень уж хоте-

лось убедиться, годится ли он в мужья его дочери на самом деле. Любит ли её по-настоящему? Или это была обычная юношеская влюблённость? Памятная, может быть, но давно оставшаяся в прошлом.

– Да... Взрослая... Ещё краше, наверное, стала. Наверное, от женихов отбоя нет, – сказал Владимир упавшим голосом.

Добрич пристально посмотрел на молодого человека. А, ведь, кажется, действительно любит.

– А, может, она и замуж уже вышла? – решился, наконец, спросить Владимир.

Комдив вздохнул. Нет, он не забыл, что Владимир путался одно время с Тamarой, заведующей лётной столовой. Безотказной и совершенно безстыжей бабёнкой.

Он тогда по-отечески прочистил ему мозги. Как, впрочем, и было положено командиру и старшему товарищу. Однако, кто старое помянет, тому глаз вон...

– Нет, ещё не вышла, – сказал комдив. – И женихов у неё пока не наблюдалось, насколько я знаю, – а затем добавил, прищурившись. – А вот влюблена ли в кого, это тебе, наверное, виднее.

И улыбнулся, заметив, как засияли глаза Владимира...

Ленинград, начало мая 1938 г.

Почему ей так запомнилось это лицо?

Оно преследовало её даже во сне. Одутловатое, нездорового бледного цвета, с мясистым носом и широкими залысинами...

Почему оно так пугало её?

Особенно этот пристальный, ощупывающий взгляд из-под пенсне.

И ещё пальцы. Толстые и постоянно шевелящиеся, как щупальца осьминога, пальцы...

Её передёрнуло.

Надо отвлечься. Подумать о чём-нибудь другом.

Но мысли сами собой возвращались к этому неприятному незнакомцу в кожаном плаще.

Когда же это началось?..

Он садился вслед за ней на трамвай, а потом всю дорогу до института стоял рядом и смотрел. Снежке был противен этот липкий взгляд. Но, почему-то, она, мгновенно срезавшая любого остряка-однокурсника, способная поддеть за живое своим язычком кого угодно, цепенела под этим взглядом, как кролик.

Снежку никогда не беспокоили ни чьи взгляды. Она не считала себя красавицей и, заглядывая в зеркальце, находила своё лицо вполне заурядным, хотя и симпатичным. И только

пожимала плечами, замечая иногда восхищение в глазах папиных знакомых. Молодых и не очень пилотов и штурманов.

Вот, если бы Володька Иволгин хоть разочек так на неё посмотрел, вздохнула Снежана...

Но они до сих пор оставались просто хорошими друзьями. Как и много лет назад, когда она была всего лишь голенастой, хулиганистой девчонкой-подростком, а он младшим лётчиком отцовской авиабригады.

Снежка вдруг разозлилась на него! Ей уже девятнадцать, а он почему-то упорно не желает замечать, что она уже давным-давно не ребёнок, а абсолютно взрослая девушка! И даже ни разу не попробовал её поцеловать!

А она, дура такая, всё равно думает о нём ночи напролёт!.. Дура! Дура!

А он ни о чём не догадывается!

Ну и ладно, вздёрнула она подбородок! Пускай тогда на неё смотрят посторонние мужчины! Пусть рассматривают, сколько хотят! Раз он такой дурак!

Её мысли, сделав круг, вернулись к ужасному незнакомцу.

Его взгляд был совсем не таким, как другие. Так смотрит удав на свою жертву!

Господи, что же делать?!

А, может, рассказать папе?.. Он был у неё самым лучшим на свете! Снежке было только семь, когда умерла мама. И с тех пор папа стал для неё всем!

Как она им гордилась! Высокий, сильный, смелый! Герой

Гражданской войны! Красный командир! Пилот!

У неё не было от него никаких тайн! Никогда!.. Но сейчас ей почему-то не хотелось рассказывать папе о страшном незнакомце в чёрном кожаном плаще. Что-то подсказывало ей, что этого делать не стоит...

Во всяком случае, пока.

Она могла бы обратиться за помощью к Володьке и он, конечно, не раздумывая, навалял бы по шее любому, на кого она покажет пальцем!

Потому что Володька вообще никого не боялся! Герой Испании! Комбриг! И кулаки у него были здоровенные, и гириями на спортплощадке он жонглировал легко и непринуждённо, как цирковой силач! Снежка сама видела!

Но в последнее время он как-то от неё отдалился. Стал реже бывать у них с папой в гостях...

Раньше, бывало, не вытолкаешь, вздохнула она. А сейчас он почему-то стал её избегать.

Что же делать?! Снежке ужасно не хотелось опять ехать в одном трамвае с этим типом, у которого пальцы, как щупальца.

Значит, сегодня она пойдёт в институт пешком! Она быстро сунула тетрадки с конспектами в командирскую сумку, подарок отца. Положила туда же ломоть хлеба с колбасой, на обед. И, захлопнув дверь, дробно застучала каблучками по лестнице.

Стояло прекрасное майское утро! Ночью была гроза и

умытый город дышал весенней свежестью. С огромных афиш новой, замечательной и безумно смешной кинокомедии «Волга-Волга», задорно улыбаясь, смотрела Любовь Орлова.

Лёгкий ветерок трепал волосы и наполнял грудь. Снежке хотелось бежать босиком по тёплому, всё ещё мокрому после ночного дождя асфальту и смеяться во весь голос!

«Ах, ты радость молодая, невозможная!».

Как здорово, когда тебе всего девятнадцать и всё-всё ещё впереди!

И Снежка бежала, скинув туфельки, смеясь и размахивая своей командирской сумкой. И солнце сквозь прозрачные зелёные кроны тополей слепило ей глаза...

Он стоял, заложив руки за спину. Его толстые губы кривились в усмешке. Прищурившись, он смотрел сквозь пенсне на испуганно замершую перед ним девушку.

– Так можно и простудиться, – услышала она вкрадчивый голос.

Чуть наклонившись, Снежка молча надела туфли.

– Что вам нужно? – неожиданно хрипло прозвучал её, обычно такой звонкий, голосок.

– Меня зовут Златогорский. Генрих Семенович Златогорский. А что мне от вас нужно, я объясню вам позже и в другом месте. Возьмите, – он протянул ей листок в косую линейку. – Вечером я буду ждать вас по этому адресу.

– Никогда! – отшатнулась она от него.

– Никогда не говори никогда, – покачал головой Златогорский. – Добрич Снежана Георгиевна. Русская. Родилась пятого февраля девятнадцатого года. Член ВЛКСМ. Студентка второго курса Ленинградского медицинского института. Мать – Добрич Наталия Николаевна. Русская. Одна тысяча восемьсот девяносто четвёртого года рождения. Умерла в двадцать шестом году. Отец – комдив Добрич Георгий Александрович. Серб. Одна тысяча восемьсот девяностого года рождения. Член ВКП(б) с двадцатого года. Участник Гражданской войны. Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». В настоящее время – помощник по ВВС командующего войсками Ленинградского военного округа.

Снежана от ужаса не могла вымолвить и слова.

– Будет лучше, если вы всё-таки придёте по указанному адресу, – он стёр, наконец, с лица свою мерзкую усмешку. – Позвольте представиться ещё раз. Майор государственной безопасности Златогорский. Следователь по особо важным делам.

– Ну и что! – запальчиво крикнула Снежка.

– Ничего, – спокойно сказал Златогорский, откровенно разглядывая её грудь. – Если вы будете послушной девочкой, то ничего... А если нет, – его глаза зловеще сверкнули из-под пенсне и потухли. – Тоже ничего... Пока ничего... – он снова криво усмехнулся, взял её ладошку, вложил в неё листок и неторопливо удалился.

Снежка смотрела ему вслед, не в силах пошевелиться.

Очнувшись, она скомкала листок с адресом и отшвырнула подальше. А потом уронила сумку и подбежала к ближайшей луже, чтобы отмыть в чистой дождевой воде гадкое ощущение от прикосновения щупальцев этого чудовища.

Снежку всю трясло, колени подгибались.

Она подошла и прислонилась к стройному зелёному тополю.

Вдруг налетел лёгкий порыв ветра и весенняя листва прошелестела ей какую-то весёлую мелодию. Тёплый солнечный луч, проскользнув сквозь тополиную крону, согрел её своим поцелуем. Прямо перед ней по асфальту запрыгал воробышек. Он подскакал к ней, наклонив свою головку сначала в одну сторону, а потом в другую. Чив-чив! Привет, прочирикал он. И Снежка улыбнулась. И тьма, распростершая было над ней крылья, испуганно ускользнула.

Никуда она не пойдёт! А, если этот тип в плаще ещё хоть раз к ней приблизится, она всё расскажет папе, решила Снежка! А ещё лучше – скажет Володьке и он набьёт ему морду!

Разобравшись с проблемой и приняв решение, она повеселела. Бегать босиком ей пока расхотелось, но и опаздывать на лекцию не стоило. Ленка Терёхина, староста их группы, и так на неё уже косится.

Снежка выкинула из головы все свои неприятности, подхватила сумку и припустила вприпрыжку по утреннему про-

спекту навстречу сонцю...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФИКТИВНЫЙ БРАК

лето 1938 г.

Глава первая

Светло-серые густые лохмотья облаков раскинулись над Ленинградом и тихо, почти незаметно, плыли по небу. Июньское полуденное солнце, то пробивалось сквозь тучи, то снова пряталось. И каждый раз, вырываясь на свободу, горячие солнечные лучи словно вспыхивали, отражаясь в червонном золоте волос невысокой, стройной девушки. Но она этого не замечала. Её глубокие льдисто-серые глаза застыли от невообразимого, невозможного холода...

Снежана Добрич стояла на Аничкином мосту, вглядываясь в свинцово-серые речные волны...

Идти Снежане было некуда.

Нева текла и текла прямо у неё под ногами, она завораживала её и манила...

А, может, перелезть через перила и дело с концом?! Может быть, это будет наилучшим решением всех проблем?

Ей было очень плохо!

И никого не было рядом, кто помог бы ей пережить эту

беду...

Сегодня Снежану исключили из комсомола и отчислили из института.

И никто! Никто не заступился за неё! Даже Маринка, её бывшая лучшая подружка... Подружка до первого дождя.

Снежана стояла посредине кабинета секретаря комитета ВЛКСМ. Члены бюро глумились над ней, расспрашивая о связях с врагами народа. А она смотрела на облака за окном и молчала.

Впрочем, её ответы никому и не были нужны. Разбирательство было недолгим. Потому что вопрос был совершенно ясен.

– Кто за исключение комсомолки Добрич из членов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи? – спросил Илья Шавкин, секретарь комитета.

Снежана посмотрела на него в упор и он отвёл глаза.

Когда-то, в прошлой жизни, когда она была ещё дочкой Героя Гражданской войны, Шавкин даже пытался за ней ухаживать. Безуспешно, естественно... Потому что она ничьи ухаживания никогда не принимала всерьёз. Потому что для неё всегда существовал только один человек.

Бюро единогласно проголосовало «За!». Даже Маринка. Снежана положила комсомольский билет на стол. И, так ничего им не сказав, молча вышла.

А потом её вызвали в ректорат и дали расписаться на приказе об исключении из института. Она сдала студенческий

и зачётку также молча, как и комсомольский билет. Из документов, которые были у неё на руках, остался только паспорт.

Это было ужасно. В одно мгновение её практически вычеркнули из жизни и растёрли в пыль.

И никто не мог ей помочь.

Нет! Никто не хотел ей помочь!.. Или боялся?

А, вот, папа ей обязательно помог бы!

Потому что никогда никого не боялся! Он не стал бы ничего спрашивать, а просто обнял бы, потрепал за чёлку и поцеловал в щёку. Он защитил бы её! Он показал бы им всем!.. Он... Он...

И тут слёзы, наконец-то, покатались по её щекам.

Папа!

А, ведь, ещё вчера всё было так хорошо...

Засидевшись в институтской библиотеке, она прибежала домой поздно вечером, голодная как волк, и заскочила на кухню, чтобы что-нибудь перехватить. Большой и вкусный кусок копчёной колбасы и толстый ломоть свежего хлеба, как всегда, ей здорово помогли. Жую на ходу, она заглянула в большую комнату.

Из-под двери отцовского кабинета пробивалась полоска света.

Снежана давно уже привыкла, что он допоздна работает, и, ступая на цыпочках, чтобы его не побезпокоить, тихонько прокралась в свою комнату.

Её кровать громко скрипнула, когда она со вздохом облегчения упала на неё. Раздеваться было лень. Она вытянула ноги и заложила руки за голову.

Послезавтра – последний экзамен. А после этого – целое лето свободы! Папа обещал достать путёвку и отправить её в Грузию, в горы...

А, может быть, ему дадут отпуск и они поедут вместе? Как это было бы здорово!.. Она размечталась... А, может, и Володьке Иволгину тоже дадут отпуск, и он поедет в Грузию с ними?

Нет, сказала себе Снежана. Пусть Володьке дадут отпуск, пусть он запросится вместе с ними! А она скажет папе, что бы он ему не разрешил! Потому что в последнее время Володька, весь такой занятой, целый майор, командир авиабригады и Герой Советского Союза, слишком редко стал у них бывать!

А, может, у него кто-то появился?

Похолодев от этой ужасной мысли, Снежана резко села на кровати.

Этого не может быть! Потому что не может быть никогда! Пусть только посмеет!.. Пусть только они посмеют!.. Тогда она его!.. Тогда она их!.. Тогда она!

Но как?! Как он может?! Как он может с ней так?! У неё на глазах выступили слезы. Снежана уткнулась в подушку и немножко поплакала.

Так, самую чуточку!

Но слёзы быстро высохли, потому что долго плакать она не умела.

Пускай делает всё, что хочет! Пусть гуляет, с кем хочет! Ей абсолютно всё равно! Потому что она его вовсе даже не любит!

Снежана прикусила нижнюю губу... Как же! Не любишь! Себе самой-то хотя бы не ври! Это он тебя не любит совсем! Он!.. А ты! Слёзы тут льешь, дура!

Внезапно Снежана очень разозлилась! Дура! Дура наби-тая! Неужели непонятно, что не нужна ты ему вовсе! Не нужна!

Она опять заплакала. Плакала, плакала, и незаметно уснула...

Комдив тихо вошел в комнату дочери, подошел к кровати и вздохнул. Сорванец. Опять уснула одетой... Набегалась за день и уснула в одежде, как в далёком детстве.

Волосы комдива давно посеребрила седина, но он всё ещё был очень крепким мужчиной. Высоким и широкоплечим. Холодный стальной взгляд его светло-серых глаз выдерживал не каждый. Горбинка на носу и резкие складки возле рта только подчеркивали силу и негибаемость характера...

Комдиву было сорок восемь лет. Почти двадцать из них он прослужил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Его призвали осенью восемнадцатого. Когда разрозненные мятежи, не без помощи Антанты, переросли в полноценную Гражданскую войну.

Честно говоря, снова братья за оружие Георгий не соби-рался, так как к этому времени уже навоевался досыта. Тем более, что, судя по всему, стрелять предстояло не в немцев и прочих турок, а в своих же соотечественников.

Однако, деваться было некуда. Опять же паёк...

На призывной комиссии Георгий невзначай упомянул о своём знакомстве с авиационными моторами и был неза-медлительно направлен для прохождения службы в Красный Воздушный Флот. С лёгкой руки неведомого канцеляриста он попал в Первый советский дивизион истребителей. Сна-чала был механиком, а потом стал пилотом. Сражался с Кол-чаком и Юденичем, Врангелем и Пилсудским. Труса Геор-гий не праздновал, летал смело, и был награждён двумя ор-денами Красного Знамени. За беззаветную преданность де-лу революции и отчаянную храбрость.

А пока он воевал, любимая терпеливо ждала его и баюка-ла маленькую Снежку. Она родила её суровой зимой девят-надцатого года. Холодной и многоснежной... И, наверное, поэтому назвала Снежаной.

Георгий и Наталия обвенчались за два года до Герман-ской. Их любовь была взаимна и до скандальности роман-тична. Влюбившись с первого взгляда, они не могли прожить друг без друга и одного дня! И лишь война сумела их разлу-чить.

Но, к счастью, не навеки! Судьба хранила их, а они храни-ли свою любовь! И встретились снова, несмотря ни на что!

Спустя три года.

Как им хотелось никогда уже больше не расставаться! Но, видимо, не все устали от войны! И вскоре те, кто никогда не сидел в окопах, раздули её по новой. И опять стали погибать люди. На фронте – от пуль, штыков и сабель, а в тылу – от голода. Впрочем, во время гражданской междоусобицы фронт от тыла отличить нелегко.

Георгий вовремя увёз беременную жену из Петрограда в деревню, к родственникам своего боевого товарища. Лишь благодаря этому Наталии и малышке удалось выжить.

Они виделись очень редко. И всё же Георгию иногда удавалось ненадолго вырваться в Петроград. Он приезжал к жене и дочке и проводил краткие мгновения в светлом раю нежной и верной любви...

Когда окончилась эта бесконечная братоубийственная война, он подумал, что, наконец-то, они заживут счастливо. Все вместе.

Увы, тяготы и бедствия военного времени подкосили и без того хрупкое здоровье его Наталии. Она долго болела и ушла, тихо и печально, оставив его в безутешной тоске. С семилетней Снежкой на руках.

А жизнь продолжалась...

В двадцать седьмом его назначили командиром бригады. Через год вручили третий орден, к которому Георгий был представлен ещё в Гражданскую. Многие красавицы вздыхали по нему тайком. Но он никогда больше не посмотрел ни

на одну женщину, хотя был молод и знаменит.

Шли годы... А он по-прежнему всё свободное время посвящал любимой дочери, которая становилась всё более похожей на свою мать.

Комдив стиснул зубы. Наталию он уберечь не смог. А теперь и Снежжа оказалась в опасности. Из-за него.

На что он надеялся?! Ведь, всё было ясно с самого начала!

Когда был раскрыт военно-фашистский заговор маршала Тухачевского, и после краткого и невразумительного процесса все фигуранты этого дела были немедленно расстреляны, у него в душе зашевелилось недоброе предчувствие. Которое, как обычно, не обмануло. Как ни разу до этого не обманывало в бою.

Добрич никогда не был особенно близок ни к Уборевичу, ни к Тухачевскому, хотя не один год прослужил под их командованием.

Георгий слишком хорошо знал и того, и другого. И не питал никаких иллюзий насчёт военного «дарования» обоих! Впрочем, поручик Тухачевский, наверное, мог бы стать неплохим командиром роты. Если бы подольше ей покомандовал, а не просидел всю войну в плену! И подпоручик Уборевич-Губаревич роту, вероятно, потянул бы.

Однако, на волне революционного энтузиазма и по причине катастрофической нехватки военных кадров оба в одночасье вышли в командармы. И наломали немало дров, пока усваивали азы стратегического искусства. Залив рабоче-кре-

стьянской красной кровью и Великия, и Малыя, и Белья. А потом ещё и Польское царство, и Кавказ, и Среднюю Азию в придачу.

Впрочем, судили Тухачевского и иже с ним не за печально знаменитый марш-бросок на Варшаву с открытыми флангами и не за перегибы при подавлении народных волнений, Тамбовского восстания и Кронштадтского мятежа. Их судили за измену Родине, шпионаж, вредительство, диверсии и террор!

По поводу барских замашек «красного Бонапарта» Георгий был наслышан. Но в то, что тот являлся немецким шпионом, не верил. Бонапартизм и интриганство – это одно, а шпионаж – совсем другое! Вполне возможно, и Тухачевский, и Уборевич, и Якир с Гамарником, действительно считали Ворошилова дураком и неучем и подсиживали, как могли. Это, само собой, было достаточной причиной для снятия виновных с должностей, понижения их в звании и даже увольнения в отставку.

Но не для судебной расправы, шельмования и расстрела!

Сразу после казни участников заговора начались повальные аресты командного состава и в армии, и во флоте. За год бесследно исчезли многие сослуживцы Георгия. Его боевые товарищи. Его бывшие начальники и подчинённые.

Как и его предшественник в нынешней должности.

Добрич понимал, что своей очереди ему тоже долго ждать не придётся. Однако время шло, а его не трогали. В феврале

за успехи в боевой, политической и технической подготовке он был даже награждён орденом Ленина.

Но уже в конце весны почувствовал, как над ним стали сгущаться тучи. А в последние дни это ощущение стало почти нестерпимым.

И он понял, что вот-вот за ним придут.

Скорее всего, ему предъявят стандартное, высосанное из пальца, обвинение в шпионаже в пользу какой-нибудь европейской державы. Или нескольких держав одновременно.

А вдруг его обвинят в том, что до революции он был...

Комдив нахмурился. Неужели, всё-таки, дознались?! Нет! Вряд ли... Тогда всё было бы иначе. И совершенно безнадёжно.

Господи, как же уберечь от всего этого дочь?!

Надо было бы уже давно отослать её куда-нибудь... А куда? И как он объяснил бы ей необходимость бросить учёбу и срочно уехать неизвестно куда, неизвестно зачем?

Комдив тихонько потрогал её за плечо:

– Снежка...

– Володя... – нежно прошептала она сквозь сон. И проснулась.

В комнате было темно.

– Снежка, нам надо поговорить, – наклонился к ней отец.

– Да, папа, – заморгала она спросонья глазами.

– Снежка, я хочу, чтобы ты знала... Что бы обо мне ни говорили, это всё неправда!

– О чём ты, папа? – она ничего не понимала.

– Обещай мне! Что бы обо мне ни говорили, этому не верить! Обещаешь?

– Да, конечно! Но почему?... Что случилось, папа? – Снежана села на кровати, поджав под себя ноги.

Он присел рядом с ней и обнял за плечи. Она посмотрела на него и вдруг заметила, как он сдал за последние дни... Похудел, под глазами мешки.

– Что случилось?

– Сейчас я не могу ничего тебе объяснить. Придёт время, и ты сама всё поймёшь... Помнишь наше место? В Петергофе. В парке.

– У старого дуба?

– Да! Молодчина! Там, в дупле, я оставил кое-что для тебя. Только не ходи туда сразу. Потом, через какое-то время... Хорошо?

– Хорошо. Но скажи, всё-таки, что случилось? – она серьёз разволновалась.

– Ничего пока не случилось, – он поцеловал её в лоб и прошептал. – Милая моя девочка... – и погладил её по голове. – Но скоро может случиться, – он вздохнул. – Ты у меня самая сильная в мире! Ты справишься!

– Папа! – Снежана по-настоящему испугалась. – Почему ты так со мной разговариваешь?

– Ты его любишь? – вдруг спросил он.

– Кого? – потупилась Снежана.

– Владимира... Ответь мне, для меня это важно.

– Да... – прошептала Снежана, и вдруг всхлипнула. – А он!.. А он!

Отец погладил её по голове и сказал:

– Владимир – хороший парень! Если ты выбрала его, то я одобряю твой выбор. Он любит тебя и никогда не покинет в беде. Я в нём уверен.

С какой надеждой Снежана посмотрела на отца!

– Владимир никому не позволит тебя обидеть! – повторил он.

И в этот момент в дверь позвонили.

– Помни! Что бы обо мне ни говорили, не верь! – отец крепко-крепко обнял её и снова поцеловал в лоб. А потом встал и пошёл открывать.

Сердце Снежаны болезненно сжалось.

– Комдив Добрич? – услышала она незнакомый холодный голос в коридоре.

– Да! – твёрдо ответил её отец.

– Вы арестованы! Сдайте оружие!

Сразу же после этих слов по квартире загрохотали чужие шаги, а в большой комнате включился свет.

– Предъявите ордер на арест, – спокойным голосом сказал отец.

И добавил, после некоторой паузы:

– Мой пистолет в верхнем ящике письменного стола, в кабинете.

Всё остальное было непрерывным кошмаром.

Отца вскоре увели. А в квартире всю хозяйничали крепкие молодые люди в синих фуражках с малиновыми околышами.

Снежана стояла у стены в большой комнате, а они рылись в шкафах, перелистывая каждую книгу, встряхивая каждую тряпку, швыряя всё просмотренное на пол и топча это сапогами. И, похоже, это доставляло им удовольствие.

Иногда они прохаживались по ней плотоядным взглядом, но тронуть не решались. За связь с дочерью врага народа можно было и самому угодить под раздачу.

А, ну её! На их век и обычных комсомолочек хватит!

Обыск окончился лишь под утро. Снежане разрешили взять только её документы. А потом в присутствии понятых, дворника дяди Васи и его жены, опечатали квартиру.

И ей пришлось уйти...

Она дождалась открытия институтской библиотеки и взяла с полки недочитанный учебник. Буквы расплывались у неё перед глазами. Она сидела, глядя на одну и ту же страницу, пока за ней не пришли и не пригласили на заседание комитета ВЛКСМ факультета. И исключили из комсомола.

Наверное, кому-то это было очень нужно, потому что не прошло и пол суток с момента ареста её отца, а в институт уже сообщили.

Не дожидаясь поступления официального уведомления из НКВД, ректорат Ленинградского медицинского институ-

та немедленно принял решительные меры по очищению рядов своих студентов.

И вот теперь дочь разоблачённого врага народа Снежана Добрич стояла на Аничкином мосту. Одна. Без копейки денег. Без маломальского пристанища...

Ей было так плохо!

И никого не было рядом, кто помог бы ей пережить эту беду.

Нева текла и текла прямо у неё под ногами, она заворачивала её и манила.

А, может, перелезть через перила и дело с концом? Может быть, это будет наилучшим решением всех проблем?

– Снежка... Вот, ты где, – вдруг услышала она за своей спиной.

Она обернулась и увидела Владимира. Он подошёл к ней и обнял. И тогда, слёзы, до сих пор лишь тихо катившиеся по её щекам, хлынули огромными градинами. И она затряслась от рыданий, уткнувшись в его плечо.

А Владимир обнимал её и гладил по голове.

Беда. Это действительно беда. Ну, что же... Пусть выплачется.

В то, что её отец, его боевой командир, Герой Гражданской войны, был врагом народа, он не верил и не поверит никогда! Но сделать ничего не мог... Что же это за время такое!

Владимир скрипнул зубами. Помочь комдиву он ничем не

мог. Но её... Её он может и должен защитить!

О том, что Георгий Александрович арестован, ему сообщили рано утром. У него были друзья в штабе округа. Свои, проверенные в боях, ребята. Зная о дружеских отношениях Владимира с комдивом, они предупредили его. На всякий случай.

Он никогда не забудет этого! А, впрочем, в бою иначе не бывает! Спина к спине! Чужих бьём! Своих не сдаём! Иначе всем – каюк.

Когда он узнал о происшедшем, то сразу подумал о Снежане. Что с ней? Где она?

Он бросил всё и помчался в Ленинград.

Квартира Добрича на проспекте 25-го Октября была опечатана. Перепуганный дворник мычал что-то невразумительное. Владимир махнул на него рукой и кинулся в институт. Но и там её не застал. Разве что узнал о решении ректората и комитета комсомола.

Как-то всё слишком быстро провернулось, подумал он! Это было очень странно. И, как подсказывала интуиция, очень, очень опасно...

Где же ты, любимая?

Владимир метался на машине по городу, обыскивая все места, где хоть раз бывал вместе со Снежкой или знал, что она там любила бывать, одна или с отцом.

И, наконец, нашёл её.

У Владимира защемило сердце, когда он увидел одинокую

девичью фигурку посреди моста. Она стояла, опустив голову. Такая беззащитная...

Нет! Он никому не даст её в обиду!

– Снежка, – шептал он, обнимая её и глядя по голове. – Снежана... Милая...

Что же делать? Легко сказать – никому не дам в обиду! А как это сделать? Как?!. А может?..

У Владимира даже сердце зашлось от этой смелой мысли.

Боже мой! Но разве он может ей это предложить?! А вдруг она согласится только потому, что просто оказалась в этой ужасной, в этой безвыходной ситуации?

Снежана была так холодна с ним всё последнее время. Ему даже показалось, что она его избегает... И Владимир подумал, что она влюбилась в кого-то, и он стал нежеланным гостем! Ведь он старше её на целых семь лет! Может быть, она влюбилась в кого-нибудь более подходящего ей по возрасту? В какого-нибудь однокурсника.

Владимир переживал молча. Ему было очень больно, но он сумел взять себя в руки и незаметно стал всё реже и реже бывать в гостях у комдива.

Чтобы не стоять у Снежки на пути. Потому что знал, как к нему относится её отец, и понимал, что Снежане будет очень трудно пойти против его воли. Но он не имел права использовать свои отношения с Георгием Александровичем для того, чтобы заполучить его дочь! Это было бы подлостью! Это было бы предательством по отношению к ней!

Владимир знал себя очень хорошо. Он иногда даже сам себя боялся! Потому что знал, что порвал бы любого, кто посмел бы встать между ними!

Но если это был её собственный выбор? Взяла и влюбилась. В другого. Вот с этим он уже ничего не мог поделать. И должен был уйти...

Но только не сейчас! Потому что сейчас он должен её защитить!

Выплакавшись в объятиях любимого, Снежана успокоилась.

– Ведь, это всё неправда? – прошептала она.

– Неправда! – твёрдо сказал Владимир.

– Володя, ведь, ты не оставишь меня одну? – подняла она на него свои заплаканные глаза и опухшие, искусанные губы.

Владимир стиснул зубы, но всё-таки удержался от того, чтобы исцеловать её всю, с ног до головы, прямо здесь, посреди Невы.

– Никогда! – сказал он. – Не переживай! Скоро всё выяснится! Скоро разберутся, что это ошибка!

Владимир говорил, но сам не верил своим словам.

Не потому, что думал, что его командир – враг народа. Нет! Просто он знал, что практически никто не возвращается оттуда, куда увозят ночью на чёрном вороне.

А ещё он знал, что было что-то совсем неправильное во всём происходящем. Он чувствовал какую-то злую волю во всём этом. Но разве мог он ей об этом сказать?!

– Снежана, – сказал он. – Всё так сложно...

Она взглянула в его тёплые карие глаза своими ясными льдисто-серыми глазами.

– Ты должна меня понять, – он опустил взгляд.

Боже, как трудно сказать об этом!

– Я хочу тебе помочь...

Снежана улыбнулась и доверчиво склонила голову ему на плечо. От запаха её золотистых волос Владимира просто повело.

Что же делать?!. Боже мой! Как же сказать-то ей об этом?!

– Будет лучше, если ты выйдешь за меня замуж... – наконец, выдохнул он.

Наверное, это было не самое удачное признание в любви.

Она отшатнулась от него.

Владимир вдруг испугался, что она неправильно его поняла, и заговорил быстро и сбивчиво:

– Снежана, выходи за меня! Ты возьмёшь мою фамилию. Пока! Это ненадолго, поверь! Когда всё выяснится, мы сразу разведёмся. Правда! Это просто фиктивный брак! Поверь! Я не прикаснусь к тебе никогда!!

И она поверила...

Снежана смотрела на него своими огромными, безкрайними глазами, и Владимир вдруг с ужасом понял, что она его просто ненавидит!

Боже мой! А, ведь, он только хотел её защитить! Он никогда не посмел бы сделать ей предложение, зная, что она

влюблена в другого! Но не мог же он бросить её сейчас одну, на произвол судьбы!

– Ты! – она отвесила ему звонкую пощёчину и горько заплакала.

Владимир ощутил себя последней сволочью. Он не имел права предлагать ей это!

Но он должен был это сделать! Потому что знал, что другого выхода нет... И в этот миг дал себе слово. Если она согласится выйти за него замуж, никогда её не трогать!

Она плакала, а он по-прежнему держал её в объятиях. Но, уже не прижимал к себе, а лишь едва касался руками её тела.

Господи! Снежане хотелось закричать, хотелось избить его до полусмерти! Но она не могла... Он же не виноват, что полюбил другую.

Её всю сотрясало от рыданий. Если б она могла, то завывала бы во весь голос.

Господи! Она оказалась права! Он её не любит! Он не любит её совсем! Она была готова не раздумывая пойти за ним хоть на край света... А он! Фиктивный брак! Ненадолго! Как всё выяснится, сразу разведёмся!

Она плакала над своей несчастной судьбой, над своей разбитой вдребезги жизнью, над своей поруганной, убитой любовью...

Господи! Да, за что же ей всё это?!

Внезапно она перестала плакать, оттолкнула этого, уже чужого теперь человека в чине майора, и отвернулась, выти-

рая глаза тыльной стороной ладоней. На сегодня слёз достаточно! Она выйдет за него замуж, раз он так хочет. Но никогда не позволит себе к нему прикоснуться! А как всё выяснится, они сразу разведутся!

– Снежана... – тихо сказал Владимир.

– Снежана Георгиевна, – холодно поправила его она.

– Как? – прошептал ошеломлённо Владимир. – Снежана Георгиевна? Ты что, Снежка?!

– Обращайтесь ко мне на вы, товарищ майор, – пронзительным ледяным взглядом посмотрела она на него в упор.

Владимир закрыл глаза и помотал головой, отгоняя навязание. Но когда открыл их, всё было по-прежнему.

Рядом с ним стояла совершенно чужая стройная золотоволосая девушка с гордо поднятым подбородком. Прекрасная и холодная, как снежная королева.

Но, ведь, он только хотел её защитить!

Владимир отступил от Снежаны на шаг и схватился за голову. Неужели он потерял её?! Боже мой!.. Он её потерял.

Убежать! Нет! Прыгнуть с моста! Нет! Броситься под трамвай! Нет!

Застрелиться.

Владимир застонал... Нет... И этого он пока не может сделать. Потому что нужно спасти, нужно защитить эту, пускай и ставшую внезапно такой чужой девушку, от беды. А он сердцем чувствовал, что над ней нависла какая-то ужасная, чёрная тень...

Владимир взял себя в руки.

Ну, что же. Он оказался прав. Она его не любит. И никогда не любила. Это была всего лишь детская привязанность, которая осталась в прошлом. Просто осталась в детстве... Но это ничего не меняет!

– Вы, выйдите за меня замуж, Снежана Георгиевна? – спросил он ровным голосом.

– А если я скажу «нет»? – холодно прищурилась Снежана.

– Тогда я снова спрошу вас. И буду спрашивать до тех пор, пока вы не скажете «да», – сказал он. – Вам необходимо срочно поменять фамилию. Поверьте, так надо! Это не моя прихоть!

– Да, уж верю, – усмехнулась Снежана.

– Я только хочу помочь.

– Какое благородство! – едко сказала она.

– Вы выйдите за меня замуж, Снежана Георгиевна? – спросил он ровным голосом.

– Да!! – крикнула она, и отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слёзы.

Господи, вдруг ужаснулась Снежана! Что это? Что же это она делает?! Ведь, жениться на дочери врага народа, означает погубить навсегда карьеру! А, может, и жизнь... За что она ему мстит так жестоко?! Ведь, он не виноват, что полюбил другую женщину! Она должна была ему отказать!

Но, он не примет отказа. Он такой упрямый... Такой хороший...

Зачем, ну зачем она ему нужна? Господи, он на самом деле хочет ей помочь! А она!.. Нет, она не может его ненавидеть. Потому что любит и будет любить его всю жизнь, до самой смерти! И, никогда! Никогда ему об этом не скажет!

– Пойдёмте в машину, Снежана Георгиевна, – тихо сказал Владимир и предложил ей руку.

Которую она не приняла.

Владимир зажмурился. Его сердце рвалось на части от безнадёжности и тоски.

Он помотал головой. Хватит! Надо просто это пережить! И всё! А потом, когда всё кончится и они разведутся, у него всегда найдётся для себя патрон.

Владимир решительно взял её под руку и повёл к своей «эмке».

Чем скорее они уедут из Ленинграда, тем лучше. Здесь регистрироваться нельзя. Если они зарегистрируются в каком-нибудь из Ленинградских ЗАГСов отыскать её будет проще простого. Нет, они распишутся в какой-нибудь деревеньке по пути к военному городку, в котором дислоцировался штаб его бригады.

Они заехали в фотоателье, и Снежана сфотографировалась на новый паспорт.

– Давайте перекусим где-нибудь, пока сделают ваше фото, – предложил Владимир.

– Не хочу! – резко сказала Снежана, хотя со вчерашнего дня у неё во рту и маковой росинки не было.

Сказала и тут же пожалела. Но вместо того, чтобы признаться в этом, только ещё выше вздёрнула свой подбородок.

Владимир сжал губы так, что они превратились в тонкую линию. Но сдержался.

– Как хотите, Снежана Георгиевна, а я чего-нибудь перекушу. С утра, знаете ли, в бегах. Кишка кишке протокол пишет!

Вот так брякнул! На счет протокола. Лучше уж промолчал бы!

Владимир помотал головой. Ну, что он за дурак такой! А потом разозлился. На себя... На неё... На весь белый свет!

– Так! – сказал он. – Вот шашлычная! Я возьму две порции. Если хотите, можете, свою выбросить.

Она не стала выбрасывать.

Снежана приняла тарелку из его рук с лёгким недовольством, как и положено королеве, сморщив свой курносый носик. Но съела с аппетитом.

Впрочем, «спасибо» от неё Владимир так и не дождался.

Ну, и не надо! Он забрал в ателье фотографии, сунул её паспорт в карман и на полной скорости погнал машину на юг, прочь из Ленинграда.

Не доезжая Пулково, Владимир свернул в сторону. Изрядно попылив по проселочным дорогам, они выскочили к какой-то деревеньке.

Здесь, вдруг решил он!

Владимир притормозил на околице, вылез из «эмки» и

снял френч. Чтобы не сверкать на всю деревню своими орденами.

Вывернув френч подкладкой наружу, он кинул его на заднее сиденье вместе с портупеей и фуражкой, а ТТ и документы переложил в бриджи.

А потом заехал в сельпо и запасся сорокоградусной валютой.

– Подождите меня немного. Я быстро, – сказал он своей спутнице и отправился в сельсовет.

Председатель сельсовета, маленький серенький мужичок с хитрецей в глазах, оказался понятливым и к выпивке относился очень даже положительно. Поэтому вопрос был решен решительно и оперативно. Ящик водки и никаких бюрократических проволочек!

– Иволгина Снежана Георгиевна, – высунув от усердия язык, вписал председатель имя молодой в свидетельство о браке.

Затем достал из сейфа чистый бланк паспорта. Заполнив его, он покосился на ящик с бутылками, уже перекочевавший к нему под стол, и подмигнул Владимиру:

– Э-эх! Были когда-то и мы рысаками!.. Поди, умыкнул девку-то? А, паря? Чо, папаша с мамашей возражали?

Владимир кивнул.

– Ничо, ничо, теперя никуда не денутся! – председатель дыхнул на печать и от души саданул ей по новенькому паспорту, а затем протянул его Владимиру. – Была девка, стала

баба... На! Владей!

Старый паспорт Снежаны Владимир забрал назад.

Председатель почесал в затылке, прищурился, а потом выразительно посмотрел на водочное горлышко, торчащее из кармана необъятных бриджей Владимира.

Намёк был ясен. Владимир достал и поставил на стол ещё один, припасённый как раз для этой цели, пузырь, и председатель залихватски махнул рукой. А, ну их к лешему бумажки эти! Возись с ними потом! А так – окрутили девку и концы в воду!

Они ехали молча до самого Пушкина...

Когда Владимир отдал Снежане новый паспорт, она, не глядя, положила его в сумочку и снова отвернулась.

Всё было не так. Она мечтала совсем о другом. Мечтала о прозрачной фате, о пышном белом платье, мечтала о море цветов и свадебном марше. Мечтала уснуть в объятиях любимого и поутру проснуться рядом с ним...

Она искоса взглянула на мужа. Владимир сосредоточенно смотрел прямо перед собой. Снежана закусилла нижнюю губу. Нет! Всё не так! Она вышла за него замуж, она теперь его жена, а он сидит как сыч, и даже словечка не вымолвит!

И тут она осознала, наконец, происшедшее. Господи! Теперь она его жена! Что же она наделала!

Глава вторая

Командир пятьдесят девятой истребительной авиабригады Ленинградского военного округа Герой Советского Союза майор Иволгин сидел в своём кабинете, полностью погрузившись в тяжкие мысли...

За распахнутыми окнами горел закат. Покачивая высокими кронами, шелестели тополя. Рассыпая звонкие трели, свистели птицы.

Сегодня у него был очень нелёгкий день. Самый нелёгкий день в его жизни! Который ещё не окончился... Потому что пришла пора возвращаться домой.

Пора идти домой.

А он не может! Потому что дома его ждёт Снежка...

Нет!!! Потому что дома его не ждёт, дома его не хочет видеть Снежана Георгиевна!

Почему же всё так неудачно вышло? Ведь он хотел, как лучше. А теперь она его ненавидит. Владимир сложил руки на столе и уронил на них свою глупую голову. Если бы он мог, то завыл бы как собака над могилой. Над могилой не сбывшейся любви.

Тому, кто полюбит снежную королеву, суждено замёрзнуть до смерти.

Иволгина Снежана Георгиевна. Его законная жена. Его любимая... Которая его не любит! Потому что любит друго-

го.

Как ему хотелось, чтобы всё было не так!

Он воспользовался ситуацией и принудил несчастную девушку выйти за него замуж. А потом купил печать в паспорте за ящик водки у деревенского пропивохи.

Боже мой!

Как ему хотелось бы при всех поклясться ей в вечной любви. И в радости, и в печали. Как ему хотелось бы, чтобы при всех, при свидетелях, при родных, при друзьях и знакомых, она сказала ему: «Да»! Чтобы все это услышали! Как ему хотелось поднять её на руки! Чтобы она обхватила его шею руками и приникла своими губами к его губам! При всех! Чтобы все знали, что отныне и навеки их никому и никогда не разлучить!

Владимир поднял голову и прижал ладони к лицу, уперевшись локтями в стол. Пытаясь сдержать стон...

Он привёз её в свою квартиру, но взять на руки и перенести через порог так и не решился.

Фиктивный брак.

Что же он наделал!

Они ехали по пыльной просёлочной дороге. Зарегистрированные. Муж и жена. Отныне настолько далёкие друг от друга, как только могут быть далеки две разные Вселенные. Не звёзды, не галактики, а Вселенные!

Снежка, не поворачивая головы, незаметно, посмотрела на Владимира. Он хмуро глядел прямо перед собой, на до-

рогу. Его мужественный профиль чётко вырисовывался на фоне нескошенных хлебов за окошком. Тёмно-синий френч плотно облегал мощные плечи и выпуклую грудь. Почему-то раньше она не замечала, что он так атлетически сложен. Какая у него крепкая шея и широкие плечи! Лётная форма очень шла ему. Отложной воротник с голубыми петлицами, рубиновыми шпалами и золотистыми эмблемами ВВС, белоснежная рубашка и чёрный галстук лишь подчеркивали его неброскую мужскую красоту. А над левым карманом, словно подтверждая его мужественность, светились алой эмалью и золотом боевые ордена.

Правая ладонь Владимира лежала на рукоятке коробки передач.

Снежка вдруг представила, как эта широкая, крепкая ладонь ложится ей на колено... Скользит выше... Ещё выше... Сладкая истома горячей волной прокатилась по её телу.

Она мотнула головой, отгоняя страстное видение.

Краем глаза Владимир увидел, как вспыхнуло, колыхнувшись в солнечных лучах, золотистое облако Снежкиных волос, когда она резко отвернулась и уставилась в своё окошко. Наверное, она проклинает его. А, может быть, проклинает себя... Наверное, ей очень и очень плохо.

Что же он наделал!

Она отвернулась, и Владимир не мог видеть её прекрасных льдисто-серых глаз, лакомых розовых губ и слегка вздёрнутого носа. Не мог видеть её нежных бархатных щёк...

Он не видел её лица. Зато видел грациозный изгиб шеи и покатые плечи. Его взгляд опустился ниже. Тонкий ситец белого платья лишь подчёркивал восхитительные округлые формы высокой девичьей груди. Её твёрдые соски дерзко оттопыривали ткань перед собой.

Владимир стиснул зубы и ещё крепче сжал рукоятку переключения скоростей. Так, что побелели костяшки пальцев. Иначе его ладонь просто накинута бы на эту прекрасную грудь. Без спросу... Сама.

Он опустил глаза. А лучше бы этого не делал.

Потому что её стройные бедра, прикрытые лишь лёгким белым ситцем, были слегка раздвинуты.

Владимира обдало таким жаром, что он застонал!

Слава Богу, что под колесо попала рытвина! Машину тряхнуло, и он прикусил язык, которым в этот момент облизывал внезапно пересохшие губы.

Увы, но ему нужно смотреть на дорогу. А ему хотелось смотреть только на неё!

А, может, плюнуть на всё, остановить машину, схватить любимую на руки и унести в рощу, которая так вовремя оказалась посреди поля?! Унести её под свежесть высоких берёз, положить на зелёную траву и целовать, целовать до умопомрачения?!

Владимир помотал головой, отгоняя страстное видение.

Она тебя не любит, сказал он себе, она любит другого, и ты никогда к ней не прикоснёшься! Понял?!

Никогда! Никогда!! Никогда!!!

Слава Богу, что у него двухкомнатная квартира!

Это значит, что она сможет от него запереться. Нет! Это значит, что это он сможет запереться! От неё! Потому что...
Иначе...

Квартира Владимира располагалась в высоком трёхэтажном доме в центре Пушкина. Принадлежавший до революции какому-то фабриканту многокомнатный бельэтаж после победы трудового народа был превращён в коммунальную квартиру. Пару лет назад предисполкома, подыскивая жилплощадь для командира Пулковской авиабригады, приказал заложить один из дверных проёмов, отделить и отремонтировать несколько комнат со стороны парадного входа. В результате получились роскошные апартаменты с ванной, туалетом и большой кухней.

Владимир остановился у подъезда и заглушил мотор.

– Приехали.

Снежка сама распахнула дверцу со своей стороны и вышла. И потянулась, разминая затёкшие от долгой дороги мышцы. А потом взглянула на него.

Владимир отвернулся, пойманный с поличным. Потому что откровенно пялился на жену, наслаждаясь её кошачьей грацией.

Они поднялись на третий этаж. Владимир повозился с ключом и открыл двери. И нерешительно посмотрел на Снежку.

А надо было не смотреть, а хватать на руки и заносить, запоздало подумал он! Потому что, не дожидаясь приглашения, Снежка сама перешагнула через порог.

И быстро огляделась. Удобства были направо. С них осмотр и начнём, решила она...

Приведя себя в порядок, Снежка прошла на кухню.

Владимир ждал её, стоя у окна и задумчиво глядя во двор.

Кухня была просторная и видимо из-за этого выглядела пустой. Обеденный стол и пара табуреток. Широкий кухонный стол-тумба. На стене – шкафчик. Украшенная изразцами печь. Примус. Раковина, полная грязной посуды. Снежка усмехнулась. Обычное дело! Женщины моют посуду после еды, а мужчины – перед едой.

– Я сейчас вас оставлю на некоторое время, Снежана Георгиевна, – сказал, поворачиваясь, Владимир. – Мне нужно в штаб. А вы тут похозяйничайте пока... Если захотите чего-нибудь перекусить, вот хлеб, вот консервы. Есть ещё колбаса, – он достал из кухонного стола всё перечисленное. – Не обезсудьте, чем богаты, как говорится. А вечером я загляну в продмаг, куплю чего-нибудь.

– Не беспокойтесь, товарищ майор, не маленькая, не пропаду, – холодно ответила Снежка.

– Да, – сказал Владимир тихо. – Не сомневаюсь...

Когда дверь за ним закрылась и щёлкнул ключ в замке, Снежка тяжело вздохнула, села на табурет и сложила руки на коленях.

Ну, почему он такой! Ярость, охватившая её тогда на Аничкином мосту, уже улетучилась. Но боль потери не проходила. И никогда уже не пройдёт... Сердце щемило. Ей хотелось плакать, но она взяла себя в руки. На сегодня слёз достаточно!

Снежка решительно встала и пошла в ванную комнату. Она повернула кран, и с удовлетворением обнаружила, что горячая вода имеется. Она выкрутила оба крана до конца, и вода с шумом и брызгами ринулась в ванну.

Пока она наполнялась, Снежка решила пройтись по его квартире.

По нашей квартире, поправила себя она! И прижала ладошку ко рту. Она сказала «нашей»! Она уже считала его квартиру их квартирой!

Снежка покачала головой. Не слишком ли быстро? А, впрочем, ерунда! Это ещё ничего не означает!

Квартира была большой, но неудобной, с проходными комнатами.

Осматривать особо было нечего. На окнах – занавески на проволочке, как в вагоне. Обстановка – абсолютно холостяцкая.

В большой комнате стояла тахта, пара стульев и двухтумбовый, крытый зелёным сукном, письменный стол с настольной лампой, городским и полевым телефонами. Под ногами валялся какой-то вытертый серо-буро-малиновый половик. На стенке – полка с книгами, чёрная тарелка репродуктора

и, как и положено, портреты Ильича, товарища Сталина и товарища Ворошилова.

В дальней комнате стояла железная кровать, застеленная тонким армейским одеялом и явно отбитая по краю табуреткой, стоящей тут же в ногах. В голове – прикроватная тумбочка.

Снежка усмехнулась! Как в казарме! Ох, уж мне эти красные командиры!

Она прищурилась, а потом прикрыла дверь и примерила, входит ли ножка от табуретки в дверную ручку.

Отлично входит!

Ну, что ж, товарищ майор, в эту дверь вам отныне вход заказан! Она вынула и поставила табурет на место.

Кроме кровати, табуретки и тумбочки в комнате стоял небольшой стол и трёхдверный платяной шкаф с большим зеркалом – единственная гражданская вещь, потому что стол, как намётанным глазом определила Снежка, раньше, скорее всего, обитал в столовой лётного состава.

Она распахнула дверки шкафа и обследовала его содержимое.

Сначала Снежка испытала некоторую неловкость, заглянув внутрь и увидев вещи Владимира, но потом сказала себе строго – я имею право, я его жена! И стала решительно перебирать плечики.

Та-а-ак... Посмотрим, что тут у нас.

Ничего особенного. На полках – несколько смен постель-

ного белья, носки, трусы и майки, кальсоны и нательные рубашки. На перекладине – пяток белых рубашек под френч, суконные и шерстяные гимнастёрки, белый летний китель и брюки на выпуск, тёмно-синие френчи и бриджи. Внизу, в углу – пара белых текстильных туфель.

Парадно-выходная, повседневная и полевая форма одежды комнатно-состава ВВС.

Рубашки были хэбэ. Все кроме одной. Сшитой из парашютного шёлка. Снежка провела рукой по гладкой и прохладной ткани, вынула плечики из шкафа и прикинула рубашку к себе. То, что надо! Полы опускались до середины бедра. А рукава можно и подвернуть, подумала она. Всё-таки лучше, чем ничего!

Из дома ей пришлось уйти в чём была, поэтому никакой другой одежды, кроме той, что на ней, у неё не было.

Она бросила рубашку на кровать, сняла гольфы, стянула платье и осталась в одних трусиках. А потом махнула рукой, и разделась догола. Сейчас она ополоснётся, а потом затеет стирку. Постирает и своё, и его. Наверняка, у бывшего холостяка найдётся куча нестиранного белья.

Снежка подошла к зеркалу и повертелась, рассматривая себя. И, как обычно, осталась недовольной.

Ноги длинные. Но можно бы и подлиннее. Талия узкая, но хотелось бы поуже. А бёдра пошире. Грудь высокая, но, к сожалению, не такая уж и большая.

Снежка приблизила к зеркалу лицо. Губы у неё были ро-

зовые, но какие-то уж слишком пухлые. Она поджала их, пожевала, а потом показала себе язык. Язык тоже был розовый, но к нему у неё претензий не было. Щёки. Снежка покрутила головой. Тоже пухлые. Хотя, впрочем, ничего. Она помахала ресницами. Достаточно густые и чёрные. Были бы ещё попушистее чуть-чуть! Глаза. Глаза у нее были мамины, серые и глубокие, с тёмным ободком и маленькими ледяными искорками по всей радужке.

Насчёт глаз сомнений не было. Глаза у неё были красивые...

Снежка вздохнула. Единственное, что ей в себе хоть немножко нравилось. Нет, ещё волосы! Она сдула с высокого лба золотистую чёлку и поморщилась. Волосы были растрёпанные и грязные. Но это дело поправимое, сейчас отмоём и причешем!

Снежка подбежала к кровати и накинула на себя отложенную рубашку, застегнулась и быстро закатала рукава. А потом повернулась к зеркалу.

И ахнула!

Полупрозрачный шёлк практически ничего не скрывал!

Какая жалость! Ей так понравилась эта ласкающая тело, нежная ткань! Увы. Такое при нём носить никак нельзя, подумала она!

А, впрочем... Она приподняла свою широкую каштановую бровь. Ну и что, что всё видно! Очень даже кстати!

В её голове зародился план жестокой мести майору Ивол-

гину. Снежка усмехнулась и расстегнула по пуговице сверху и снизу.

Значит, фиктивный брак?! Значит, не прикоснёшься никогда?! Ну-ну! Тогда и мучься, раз дурак такой!

Снежка покрутилась перед зеркалом, сделав несколько оборотов. Полы рубахи приподнялись, раздуваясь воланом, и приоткрыли её бёдра почти докуда надо. Отлично!

Она сбросила рубашку и побежала в ванную комнату.

Ванна уже почти набралась. Снежка закрыла кран и с наслаждением опустилась в горячую воду...

Владимир, уходя, закрыл за собой дверь на ключ и уехал в штаб. Но усидеть в кабинете, за широким, заваленным бумагами и картами столом не мог. Какое-то время он просто мотался из угла в угол, как пойманный зверь по ненавистной клетке.

Ему хотелось выть и биться головой об стену, но на шум могли прибежать штабные. В конце концов, он выскочил из штаба, сел в машину и умчался на самолётные стоянки.

Такого пилотажа здесь ещё не видели! Посмотреть на происходящее в небе сбежалась вся авиабаза! Все, кто работал в ангарах и капонирах, все, кто сидел в каптёрках, дежурках и курилках! Сбежались все!

Потому что на это, действительно, стоило посмотреть! Летал комбриг! Герой Советского Союза!

Как он летал!!

Самолёт метался по небу, совершая немыслимые пиру-

эты! Фигуры высшего пилотажа, выполненные не просто чётко и классически, а по-настоящему искусно, сменялись совершенно невозможными эволюциями. Истребитель преследовал и уничтожал противника! Противника-невидимку. Невидимого никому, кроме него.

С крыльев И-15 длинными хлопьями слетала изморозь инверсионных следов. Самолёт, то падал почти до земли, выравниваясь в нескольких метрах над лётным полем, то взмывал в небо. А потом опять падал с приглушённым, почти заглухшим мотором, снова взрывая у самой травы. Переворачиваясь и сменяя воздух. словно лётчик задался целью разломать свои крылья на мелкие кусочки.

А, может, ему просто жизнь надоела?

Владимир гонял свой «чато» по небу с неистовой яростью, словно стараясь зайти самому себе в хвост и сбить, сжечь самого себя к чёртовой матери! Мотор ревел, и земля приближалась с огромной скоростью, а он срывал поток и взмывал обратно к сияющему солнцу! И снова падал вниз.

Что же, ну что же ему теперь делать?!

Владимир рычал и творил с машиной что-то невообразимое! От перегрузок у него темнело в глазах. Как он хотел, чтобы в глазах у него потемнело навсегда!

Потому что она его не любит... Потому что она его ненавидит!

Но его опытные, умелые руки сами выводили машину из штопора.

Ну почему, почему он не погиб ещё тогда, в том самом бою, за который получил грамоту Героя! Ведь, тогда он никогда не узнал бы, никогда не увидел бы этой жгучей ненависти в любимых глазах!

Но сделанного не воротишь. Он сам, собственными руками, погубил, разрушил, уничтожил всё! Он сам загробил свою жизнь...

Владимир скрипнул зубами. Нет! Он не может сейчас оставить её одну! Он не может покинуть её сейчас! Пускай она его ненавидит. Он выдержит! Он выдержит всё! И никому не позволит причинить ей зло!

Твёрдой рукой Владимир направил истребитель на посадку. И плавно притёр самолет на три точки у самого «Т». Собственно, как и положено асу. Лучшему пилотажнику бригады. И её командиру...

Солнце ещё не село за горизонт. Но уже собиралось.

Владимир вздохнул и потёр ладонями лицо. Пора идти домой. Он встал и решительно вышел из своего кабинета...

Нестиранное бельё, как она и предполагала, валялось грудой в углу возле ванны, рядом со стиральной доской. Снежка помылась, а затем перестирала всё, что нашла. Она сняла с кровати старое постельное и застелила свежее. А потом, усмехнувшись, бросила пару простыней из шкафа на тахту в его комнате. Так-то милый!

Снежка постирала снятое постельное, прополоскала всё отстиранное в холодной воде, отжала и развесила в коридо-

ре.

Своё платье она повесила рядом с его рубашками и нижним бельём. А трусики разместила так, чтобы они сразу бросились в глаза, как только он откроет двери. И рассмеялась, довольная! Я тебе покажу, фиктивный брак! Ты у меня ещё получишь «не прикоснись к тебе никогда»!

Её новая рубашка была приготовлена для мгновенного одевания. Как только в замочной скважине заскребётся ключ.

Снежка налила воды в таз и перемыла полы. Как она и ожидала, во всех углах, под шкафом, под тахтой, под кроватью валялась сбившаяся в комки пыль. Это ничего! С пылью управляться она умела преотлично!

Разобравшись с полами, она взялась за кухню. Тихонько напевая, она помыла и расставила посуду. А потом осмотрела съестные припасы.

Хлеб, тушёнка и твёрдая, как камень, сырокопчёная колбаса. Не густо. Впрочем, он, наверняка, питается в лётной столовой. А это так – перекусить. Или закусить, подумала она. Увидев две бутылки водки. Так, а это что? Снежка вытащила на свет газетный кулёк... Макароны! Ура!

Она раскочегарила примус и поставила на огонь кастрюльку. На свадебный ужин у них будут макароны с тушёнкой!

Пока закипала вода, Снежка нарезала колбасы, тут же набив мозоль на указательном пальце абсолютно тупым ножи-

ком. Она открыла консервную банку и принялась. Ничего, есть можно! Снежка поставила её рядом с примусом и порезала свежие огурцы, каким-то чудом оказавшиеся в этой забытой Богом и людьми холостяцкой кухне.

С другой стороны, заброшенность Володькиного жилища весьма её порадовала. И пролила целительный бальзам на исстрадавшееся сердце.

Ножи не точены, бельё не стирано, посуда не мыта. Пыль и запустение... Одним словом, никаких следов женского присутствия! Даже кратковременного! И это вселяло надежду!

Когда макароны сварились, она расставила тарелки и гордо оглядела стол. Царский пир!

Снежка надела свою, то есть бывшую его, а теперь уже ставшую её, шёлковую рубашку. И стала ждать...

Владимир заехал в продмаг и набрал разных продуктов. Всё, что под руку подвернулось. Даже бутылку крепёного красного вина прихватил. А вдруг пригодится?! Ужин-то свадебный как-никак!

Надежда, как известно, умирает последней...

Снежка стояла у окна и ждала его почти до заката. А потом ушла в свою комнату.

Ничего, ничего! Ты у меня ещё получишь, думала она, кусая подушку от обиды! Всё равно придёшь домой ночевать, как миленький, вот тогда и посмотрим, кто кого!

Когда Снежка услышала шум подъезжавшей машины, то сразу поняла, что это он! Она опрометью бросилась на кухню

и встала у окна...

Владимир открыл дверь и привычным жестом, пошарив по стене, включил свет.

В коридоре сушилось постиранное белье, а прямо перед его глазами висели девичьи трусики. На несколько долгих секунд он потерял дар речи, застыв в дверях...

Это был первый удар.

Снежка затаила дыхание. План её мести начал претворяться в жизнь!

Когда Владимир прошёл на кухню, он получил второй удар, не менее зубодробительной силы!

В лёгком полумраке. У окна. На фоне жёлто-алого заката. Спиной к нему стояла Снежана. На ней была только его рубашка, спускающаяся до середины бёдер. Яркие лучи заходящего солнца пронизывали тонкий шёлк, туманным розовым облаком окутывая стройную девичью фигуру...

Он успел в самый последний момент, подумала Снежка. Потому что алый диск неумолимо опускаясь за дома, сначала превратился в полукруг, затем от него остался только маленький краешек, который подмигнул ей на прощание и погас.

Владимир перевёл дух, поставил сетку на пол и включил свет.

И получил третий удар. Самый жестокий.

Снежка повернулась к нему, и у Владимира разом ослабели колени...

Он медленно опустился на табурет. Так удачно оказавшийся совсем близко. Иначе сел бы на пол.

– Дела задержали, товарищ майор? – саркастически улыбнулась Снежка, выдержав паузу, необходимую для того, чтобы он увидел всё, что она хотела ему показать. – Ну-ну, – Снежка проплыла мимо него, высоко вздёрнув подбородок, и бросила, даже не обернувшись. – Ужин на столе...

Она заскочила в свою комнату, заперлась, сунув табурет в дверную ручку, и прислонилась к стене. Сердце билось так, словно хотело пробить грудную клетку... Снежка улыбалась, вспоминая его округлившиеся глаза, его открытый рот, и то, как он рухнул на табуретку, увидев её. Увидев её всю... Как сладка была её месть!

Владимир опустил глаза и посмотрел на стол. Перед ним стояли две пустых тарелки с вилок, ножом и ложкой возле каждой, и два стакана. Посредине, на подставке – сковорода с макаронами и тушёнкой, а рядом – порезанные и красиво разложенные на тарелках хлеб, колбаса и свежие огурцы... Четвёртый удар.

Он застонал бы, если бы мог. Но только хватал ртом воздух, как рыба об лёд... А сердце грохотало в груди, как колокола громкого боя. Неужели она его ждала?!

Она его ждала.

Владимир кинулся за Снежкой в дальнюю комнату и дёрнул ручку. Дверь не поддавалась, он дёрнул снова, ничего не понимая. Ведь, эта комната не запиралась!

Он постучал.

Тишина...

Он постучал снова:

– Снежана, открой! Я всё тебе объясню!

– Мне не нужны ваши объяснения, товарищ майор, – услышал он из-за двери холодный Снежкин голос.

– Снежана!..

– Не Снежана, а Снежана Георгиевна!

Делать было нечего. Владимир повернулся, чтобы уйти, и вдруг увидел две небрежно брошенные на тахту простыни.

Ещё один удар. Который по счёту? А, впрочем, уже не важно...

Владимир сидел на кухне. К еде он даже не притронулся. Ему хотелось выпить, а ещё лучше застрелиться на хрен.

Но он не имел права ни на то, ни на другое.

Ему нельзя теперь даже выпить! Не выдержав, он может вынести эту несчастную дверь в её комнату и возьмёт девушку силой. И тогда точно придётся стреляться, потому что этого он не переживёт...

Снежка тихонько вышла и прокралась на кухню, чтобы насладиться видом поверженного врага.

И вдруг ей стало его жалко. Владимир сидел опустив руки с таким несчастным видом, что Снежке вдруг стало стыдно за свою непомерную жестокость!

Ну, зачем, я с ним так, подумала Снежка! Неужели она на самом деле такая конченная стерва?!

Тихо скрипнули половицы.

Он поднял голову.

– Почему вы не спите, Снежана Георгиевна? – спросил Владимир и отвернулся, чтобы не сойти с ума от её наряда.

Внезапно в его голосе Снежке почудился холод. И от её минутного раскаяния не осталось и следа.

– А вам-то, что? – снова закусил она удила.

– Снежана Георгиевна, – старательно не смотрел на неё Владимир. – Нам надо поговорить.

– Я слушаю вас очень внимательно!

– Я думаю... – Владимир помялся, подбирая подходящие слова. – Что на людях нам лучше обращаться друг к другу не по имени-отчеству, а только по имени.

– А меня мало интересует, что вы думаете, товарищ майор! – огрызнулась Снежка.

– Это в ваших же интересах, Снежана Георгиевна, – терпеливо сказал Владимир.

– Я сама могу побезпокоиться о своих интересах! – прищурилась она.

– И всё-таки, – не глядя на неё, сказал Владимир ровным голосом. – На людях нам лучше обращаться друг к другу на «ты», а не на «вы». Как это обычно делают все мужья и жёны. А молодожёны в особенности.

– Мы – не молодожёны! – отрезала Снежка.

– И тем не менее, чтобы не привлекать излишнего внимания и не вызывать подозрений, я предлагаю снова перейти

на «ты», как бы это ни было вам неприятно, Снежана Георгиевна.

Он просто бесил её своим упрямством!.. И терпением.

Внезапно ей снова стало стыдно. А, может, это она – упрямая, глупая, озлобленная на весь мир девчонка?! Снежка прикусила нижнюю губу... Ну, зачем я с ним спорю? Ведь он прав!

– Хорошо, я согласна.

– И ещё... У тебя такое редкое имя, – попытался закрепить свой успех Владимир.

– Не такое уж и редкое! – фыркнула Снежка.

Какая же ты у меня поперечливая, вздохнул Владимир.

Самая несносная, самая невыносимая, самая любимая на свете! Самая желанная...

Как же мне тебя вернуть?!

– Редкое, Снежана, редкое, - сказал он.

– И что с того? – полыхнули ледяным пламенем её глаза.

– А то, что, если в лицо тебя здесь, скорее всего, никто и не знает, то имя может быть знакомо, – пожал плечами Владимир. – Моему заму, например, или начальнику особого отдела. А хуже всего то, что оно неминуемо вызовет жгучее любопытство у местных кумушек, жён командного состава, то есть.

– Что же и имя поменять? Развестись и снова замуж выйти? – невинно заморгала она ресницами. – А за кого теперь?

Ага! Подействовало!

Снежка была довольна. Стрела попала в цель! Он, наконец, посмотрел прямо на неё! Потемневшими от гнева глазами. Так-то лучше! А то весь спокойный такой! Аж, противно!

Что?! Разводиться и снова замуж?! Владимир разозлился не на шутку! За кого теперь?! В нём закипела бешеная ярость! Я тебе дам замуж! Да, я тебе!..

Вдруг он заметил, что Снежана смотрит на него широко распахнутыми от страха глазами. Её грудь высоко вздымалась под полупрозрачной, ничего не скрывающей шёлковой тканью... Он опустил глаза.

А лучше бы этого не делал!

Потому что там, внизу, притягивая его взгляд словно магнитом, между девичьих ног темнел прекрасный треугольник.

Владимир опомнился и отвернулся. Он несколько раз глубоко вдохнул и взял себя в руки. Бедная девочка. Он не имеет права так пугать её! Потому что её от него защитить никому.

Боже! А кто защитит его от неё самой?!

– Нет, снова замуж не надо, – сказал он почти спокойно. – Можно поступить проще. Я мог бы на людях обращаться к тебе не полным именем Снежана, а сокращенно – Жанна или Анна, как тебе будет угодно.

– А как тебе будет угодно? – прикинулась паинькой Снежка.

– Меня бы устроило Анна, то есть Аня, – ровным голосом

сказал Владимир.

– Ну, и, пожалуйста! – вдруг сверкнула она своими бездонно-серыми глазищами. – Это всё?

– Да, Аня.

Её дверь хлопнула так, что с потолка посыпалась известка.

Он знал, что ему будет с ней нелегко. Но что это будет настолько нелегко, Владимир даже не предполагал!

Однако, делать было нечего. Он сидел и смотрел на разделяющую их стену. Если бы между ними стояла только она, Владимир разнёс бы её уже по кирпичику. Но, эта межкомнатная перегородка была лишь символом, обрушившегося на него несчастья.

А, может, через какое-то время она всё-таки смягчится? Он тяжело вздохнул... Надежды на это, судя по всему, было очень мало. И всё же надежда ещё оставалась. Потому что она умирает последней.

Владимир завёл будильник и завалился спать от огорчения. Денёк выдался нелёгкий, и он мгновенно провалился в тяжёлый сон без сновидений.

Хлопнув дверью изо всех сил, Снежка воткнула в дверную ручку табуретку и упала на кровать лицом в подушку.

Нет, плакать она не собиралась! А вовсе даже наоборот! Снежка вскочила, одним быстрым движением стащила через голову рубашку и юркнула под одеяло, натянув его до подбородка. А затем уставилась в белеющий в темноте потолок. По её лицу гуляла довольная улыбка.

Что же её так обрадовало? Что?

Снежка прокручивала в голове свой разговор с Владимиром... Да, она его здорово разозлила! Это стало бы ясно даже слепо-глухо-немому. Её чуть не захлестнуло волной его ярости, когда она сказала...

Что же она такого сказала?

Сначала она сказала: «Что, разводиться и снова замуж выйти?». А потом сказала: «А за кого теперь?». И тут он взбесился!

Снежка зажмурилась. Так, так, так! Что-то тут не так!

Ну, во-первых, разводиться он, по-видимому, пока не хочет. А во-вторых, он не хочет... У неё сладко защемило в груди. Он не хочет, чтобы она вышла за другого!

А это значит...

А это значит, что не всё ещё потеряно! Если бы он так сильно любил ту, другую, то не цеплялся бы так за неё, Снежку!

А, может, он не так уж сильно её и любит, ту, другую?

И, вообще, он – её муж! Пускай и фиктивный! Снежка прищурилась. Нет, не такая уж она и дурочка! Муж, значит, муж! Раньше надо было гулять! Больше никаких подружек! Как он сказал? На людях нам лучше обращаться друг к другу на «ты», как все мужья и жёны! Вот, пусть и остережётся встречаться с той, другой! И со службы идёт домой, как все мужья! К жене! Чтобы люди ни о чём не догадались! Раз так печётся о приличиях!

Нет, она сумеет позаботиться, чтобы той, другой, его досталось как можно меньше! Чтобы, вообще, ничего не досталось!

Она сумеет позаботиться, чтобы её муж возвращался со службы прямо домой! И вовремя! Никуда не заворачивая! Или она его!.. Или она ему!.. Или она ей!.. Или...

Снежка ворочалась с боку на бок на смятой простыне. Сбросила одеяло. Снова укрылась. Потом села, обхватив руками колени. Снова легла. Она вся пылала. Её обуревали непонятные, странные чувства...

Снежка ворочалась до тех пор, пока, окончательно вымотавшись, не окунулась в тревожное забытье.

Увы, увлекшись выяснением отношений, ни Владимир, ни Снежана, так и не вспомнили, что это была их первая брачная ночь.

И, ладно! И, слава Богу! Иначе, ни ему, ни ей, даже разделённым стенкой, в эту ночь уснуть бы не удалось...

Глава третья

Когда Снежка проснулась, солнце стояло уже довольно высоко. Нахальный солнечный лучик проскочил над задёрнутой занавеской и прошёлся по её губам.

Она открыла глаза и потянулась.

Эх, размечталась Снежка, вот если бы это был Володя! Вот если бы это он разбудил её нежным поцелуем! Вот, если бы это он...

Снежка села на кровати и вдруг увидела табуретку, заткнутую ей вчера в дверь, чтобы Владимир не смог к ней войти в комнату.

Как же он разбудил бы тебя поцелуем, разозлилась на себя Снежка, если ты, дура такая, сама запираешься от него на ночь?!.. Но, ведь он же не хочет ко мне прикасаться, стала она сама перед собой оправдываться. Да, ладно тебе! Ты же видела, как он на тебя смотрел, там, на кухне, когда ты стояла перед ним голая в этой прозрачной рубашке! А как он потом старательно отводил взгляд, помнишь?!.. Но, ведь, он сам сказал, что не прикоснётся ко мне никогда! Тем более, не зачем запирается, сказала себе Снежка, ты просто капризничаешь, как маленькая, и треплешь ему нервы!

Снежана помотала головой и отогнала ненужные мысли.

Он любит другую женщину, сказала она себе, а на неё просто отреагировал, как любой обычный мужчина отреагиро-

вал бы на любую обычную женщину! И нечего тут фантазировать!

Она встала и увидела себя в зеркале.

Вся комната была пронизана солнечным светом, который позолотил её стройную обнажённую фигурку и превратил растрёпанную причёску в волшебную корону сказочной принцессы.

Да, прозвучал у неё внутри тихий шёпот, ты – не обычная женщина, ты – самая настоящая принцесса!

Снежка привстала на цыпочки, приподняла над собой чуть согнутые руки, поджала ногу и сделала фуэте.

А что? Она задрала подбородок. Может, и принцесса!.. И прыснула от смеха. Ага! Нашлась мне тоже тут, принцесса сказочная!

А тихий шёпот всё повторял и повторял, растворяясь где-то в глубине. Ты – не сказочная, ты – настоящая...

Снежана выкинула эти глупости из головы, вытащила табуретку из дверной ручки и выглянула за дверь.

В квартире было тихо. Похоже, Владимир уже давным-давно ушёл.

Ну, вот, проспала до обеда, подумала Снежка.

Она уже без опаски вышла из комнаты и проверила входную дверь. Само собой, заперто. Снежка почему-то даже не удивилась.

А вдруг она, действительно, принцесса, а он – разбойник с большой дороги, который похитил её и спрятал в своем

укромном логове, и закрыл на сто железных замков, подумала Снежка, накидывая на себя его шёлковую рубашку.

А воображение уже услужливо рисовало перед её мысленным взором одну волшебную картину за другой...

Вот, она едет в золотой карете на свой первый бал, вся такая, в пышном платье и диадеме, как у Одетты из Лебединого озера... Вот, ужасный, но почему-то очень красивый и благородный, чем-то неуловимо похожий на Владимира, разбойник пленяет её, поднимает на руки и уносит в глухой, тёмный лес... А ей почему-то не страшно. И совсем даже не жалко, что она пропустит такой роскошный бал... Вот, он запирает её в огромной, мрачной башне, чтобы она не досталась никому, кроме него... А ей почему-то тоже не хочется доставаться никому другому... И башня уже не кажется такой мрачной. А комната, в которой она ждёт своего разбойника, вообще вся пропитана солнцем...

Господи, и чего только не придет от скуки в голову, подумала Снежана! Надо чем-то заняться! Переглажу-ка я бельё, решила она.

Утюг нашёлся ещё вчера. Как ему и положено, стоял на шкафу.

А где же ему ещё и быть-то, усмехнулась Снежана! В холостяцком-то логове. А что, очень даже удобно! И стол свободен, если что, и утюг стоит недалеко, протянул руку и всё! Она снова прыснула от смеха!

Отчего это у тебя такое хорошее настроение, вдруг спро-

сила она себя? Не оттого ли, что понавыдумывала себе вчера, что кое-кто с тобой разводиться не собирается, фыркнула Снежана.

И вдруг застыла на месте.

Господи, она же совсем забыла! Она, ведь, со вчерашнего дня уже замужем!

Снежка кинулась к своей сумочке, достала паспорт и лихорадочно его открыла.

Точно! Иволгина Снежана Георгиевна!

Она прижала паспорт к груди и закружилась по комнате, что-то напевая от радости!.. И вдруг остановилась.

Ну, чему ты радуешься, дура?! Ведь, ты же знаешь, что этот брак – фиктивный! Он, ведь, сам это сказал! И ещё сказал, что разведётся сразу же, как всё выяснится! Ты же знаешь, что он любит другую, сказала себе Снежка!

Ну и пусть! Снежка гордо выпрямилась и пошла снимать высохшее за ночь бельё...

С первого же взгляда она поняла, что её одежды на верёвках нет. Всё Володькино висит, а её платье и трусики исчезли!

Снежку вдруг охватила бешеная ярость! Она швырнула снятое бельё на пол и стала его топтать, пинать, расшвыривать!

– Ах ты, мерзавец! Ах ты, негодяй! Ах ты, предатель! – кричала она.

Она села со всего маху на разбросанные тряпки и разре-

велась. Ну, почему он с ней так! Она для него – всё! Она даже замуж за него пошла. А он!.. Не любит её... Аней обзывается!.. Запирает!.. Одежду спрятал!

А потом успокоилась и вытерла нос, всё ещё всхлипывая потихоньку. И её заплаканные серые глаза засияли. Словно солнце выглянуло из-за туч после грозы.

Неужели? Неужели, он хочет, чтобы она всё время ходила перед ним в этой рубашке?! У Снежки замерло сердце... Она сложила ладошки перед собой и зажмурилась. Неужели она ему нравится?! Неужели...

Нет, сказала она себе, он просто спрятал её одежду, чтобы она не убежала! Вот, почему!.. А как же замок, спросила она сама себя?.. А что замок?! Его и расковырять можно провололочкой, а, вот, без одежды никуда не убежишь!

До чего же она стала слезливая, подумала Снежка. Со всеми этими бедами. И вдруг вспомнила об аресте отца.

Как он там? Может, уже выяснилось, что это ошибка? Может, его уже освободили?

Папа! Ты так нужен мне! Всё так запуталось! Мне одной не разобраться!

И вдруг она вспомнила отцовские слова, сказанные перед самым арестом: «Владимир – хороший парень! Если ты выбрала его, то я одобряю твой выбор... Он любит тебя и никогда не покинет в беде».

Я-то выбрала, жаловалась Снежка, глотая слезы, а он, оказывается, нет... Да, он не покинул меня, и мы поженились.

Но сразу же разведёмся, как только всё выяснится... А ещё он сказал, что никогда, никогда, никогда ко мне не прикаснётся! Потому что у нас – фиктивный брак...

Владимир Снежкину одежду не прятал, а просто забрал с собой. Но вовсе не для того, чтобы заставить её шлындать по квартире гольшом. Он себе ещё не враг! Один вечер он сумел продержаться, а, вот, сумеет ли продержаться второй, и сам не знает.

Он забрал с собой её туфли, платье и трусики не потому, что боялся, что она вдруг возьмёт и убежит. А потому, что понимал, что девчонка из-за всех этих передраг осталась совсем без одежды! Что надо срочно купить ей новую, а размеров-то он и не знает! Вот и пришлось потихоньку снять её бельишко с верёвки и унести, завернув в газетку... Прямо, как мелкий воришка, чужое бельё с чердака утянул, усмехнулся Владимир!

Он решил сегодня съездить и купить Снежке что-нибудь приличное. И она порадуется, и ему дышать легче станет. А то после вчерашнего у него до сих пор в ушах звенит и во рту сохнет, хотя и не пил спиртного ни капли!

Денег у Владимира к этому времени накопилось более чем достаточно. Зарплата, дай Бог каждому! Плюс доплаты за ордена и звание Героя, а тратиться совершенно не на что. На полном обеспечении, ведь.

Теперь есть на что, сказал себе Владимир, выгребая денежные пачки из сейфа.

Разобравшись накоротке с делами в штабе, он набил деньгами свою командирскую сумку, и махнул в Ленинград, в самый большой магазин женской одежды.

– Здравствуйте, – сказал Владимир, подходя к прилавку.

– Здравствуйте, – приветливо ответила рыженькая симпатичная продавщица, окидывая взглядом его крепкую фигуру.

– Я хотел бы купить несколько платьев, юбок, блузок и кофточек, – сказал Владимир. – Э-э-э...

– Меня зовут Татьяна, – поправила волосы продавщица, улыбаясь красавцу-лётчику. – Можно просто Таня.

– Да... Таня. Так, вот... – помялся Владимир. – Я хочу сделать сюрприз девушке... Размеров я не знаю, но принес с собой её платье, – сказал он, протягивая Татьяне пакет.

– Вы его прямо с неё сняли? – лукаво поинтересовалась Таня, разворачивая газеты.

– А?.. Что? Нет, конечно! – смутился Владимир. – Я... – он увидел весёлые искорки в глазах продавщицы и улыбнулся. – Вы шутите!

– Вовсе нет! С чего вы взяли? – засмеялась Татьяна и, встряхнув, расправила ситцевое платье. – Так, – сказала она. – Сорок шестой размер. Рост сто пятьдесят шесть – сто пятьдесят восемь... Как и у меня.

Она приложила Снежкино платье к себе, и Владимир убедился, что она совершенно права. Размеры у них были практически одинаковые.

Татьяна бросила платье на прилавок.

– Теперь, объёмы, – она посмотрела на Владимира. – Я полагаю, что и объём груди у вашей девушки тоже, как и у меня. Второй номер.

Он скосил глаза ей на грудь, и Татьяна с готовностью повернулась боком, давая ему возможность как следует себя рассмотреть.

– Да, скорее всего, – слегка смутился Владимир.

– Талия? – спросила Татьяна, наслаждаясь его замешательством.

Владимир опустил глаза пониже. И кивнул.

– Обхват бёдер? – она погладила себя по бёдрам, повернулась к Владимиру спиной и слегка обтянула свои ягодицы юбкой, оглядываясь на него через плечо. – Ну, как?

– Да, примерно так, – заморгал он.

– Та-а-ак, – удовлетворённо протянула она и потеревила пальчиком нижнюю губу. – С размерами разобрались. Осталось определиться с цветом и фасоном.

– Фасон обычный, – сказал Владимир и отвёл глаза от её рта.

– А цвет? – наклонив голову, посмотрела на него Татьяна. Владимир пожал плечами.

Ох, уж мне эти мужчины, вздохнула Таня и спросила:

– Какого цвета у неё глаза?

– Льдисто-серые. Цвета ненастного зимнего неба... – сказал он, глядя куда-то вдаль.

Татьяна даже моргнула от неожиданности. Такого ей ни разу ещё не доводилось слышать, хотя у неё у самой были серые глаза.

– А волосы?

– Волосы... – мечтательно протянул Владимир. – Поутру – цвета белого золота, а вечерами – червонного...

Ах!.. У Татьяны даже сердце зашло от таких сравнений. Ясное дело, что блондинка! Но, чтобы так описать цвет волос! Везёт же некоторым, подумала она с завистью... Лётчик! Трижды орденосец! И, по всему видно, влюблён без памяти.

– А вы, часом, не поэт, товарищ майор? – спросила она. – Наверное, стихи пишете?

– Что? – очнулся от своих грёз Владимир. – Стихи? Нет, – смутился он. – Не пишу.

– А жаль, – покачала Татьяна головой. – У вас очень хорошо получилось бы... Ну, ладно. Если быть точным, то ваша девушка – блондинка с серыми глазами. Так?

– Да, – вынужден был с ней согласиться Владимир.

– Ага... А кожа? Кожа у неё смуглая или светлая? – спросила Татьяна.

Вопрос, само собой, был излишним. Раз блондинка, значит, кожа белая. Но ей хотелось услышать, как этот лётчик, который не поэт, её опишет.

– Кожа? – переспросил Владимир и снова уплыл в какую-то даль. – Белоснежная. Как у Снегурочки...

М-да-а! Таня прикусила губу. Её сжигала непонятно откуда взявшаяся ревность. Так тебе и надо, дура, сказала она себе, зачем спрашивала-то! Не знаешь сама, что ли, какого цвета кожа у блондинок?!

– Очень хорошо, – взяла себя в руки Татьяна, подошла к вешалке и стала перебирать платья, висевшие на плечиках. – Это. Вот это... Это. Ну, и, вот, это, наверное, – она сняла их, принесла и разложила на прилавке.

– Как вам белое? – посмотрела она на Владимира.

Владимир кивнул.

Она расправляла перед ним платья, одно за другим, и он кивал, потому что они нравились ему все.

Белоснежное, белое в крупный чёрный горошек, тёмно-синее в мелкий белый горошек, нежно-розовое, ярко-алое...

– Какое? – спросила Татьяна.

– Все, – сказал Владимир и посмотрел на вешалку. – А ещё есть что-нибудь?

Татьяна посмотрела на него долгим взглядом.

– Вы не беспокойтесь, Таня, – улыбнулся Владимир. – Весь ваш магазин мне, конечно, не скупить, но кое-что приобрести я смогу.

Она только покачала головой и возмущённо сверкнула глазами:

– Я же не об этом!

Владимир вопросительно поднял брови.

– Да, где вам понять! – махнула она в сердцах рукой и вернулась к вешалке.

Какие же они всё-таки глупые, эти мужчины, думала она, перебирая плечики. И закусила губу с тоской... Эх, и везёт же некоторым!

Выбрав самые лучшие платья она отнесла их, добавив к уже отобранному.

У Владимира разгорелись глаза. Татьяна прикладывала платья к себе, а он только успевал согласно кивать головой. Потому что платья были одно лучше другого.

Особенно ему понравилось белое в широкую тёмно-синюю полосу с короткими рукавами, отложным воротником и широким, от талии и почти до груди, поясом того же цвета. Сверху полосы шли вертикально, а по широкому подолу сходились от пояса вниз стрелой. Когда Таня приложила его к себе, он просто ахнул.

– Хотите, я его для вас примерю? – спросила она, увидев, как расширились от восхищения глаза Владимира.

Он кивнул, не в силах отказаться.

– Пройдёмте, – поманила его Татьяна к примерочной.

Она зашла внутрь, а Владимир топтался снаружи, слыша, как шелестит ткань за шторкой и замирая в предвкушении чуда... И оно случилось.

Несколько мгновений спустя Таня вышла из примерочной и замерла перед ним.

Это было действительно великолепное платье! Татьяна

крутанулась вокруг себя. Разлетелись каштановые волосы, взметнулся, расправляясь, подол, и у Владимира захватило дух.

– Ну, как? – кокетливо улыбнулась ему Татьяна. – Берёте? Это был абсолютно риторический вопрос!

Она переделалась в своё, и они вернулись к прилавку.

– Девушка, можно вас спросить? – подошла к ним какая-то женщина.

– Вы же видите, я занята! – прищурившись, резко отбрила её Таня и повернулась к Владимиру, улыбчивая, как весеннее утро. – Я думаю, нужна ещё пара вечерних платьев. А вдруг вам захочется сходить в ресторан?

– Точно! – закивал головой Владимир. – Спасибо, Танечка! Я сам не догадался бы!

Танечка? Она посмотрела ему прямо в глаза. Они были карие...

Тепло, внезапно возникнув у неё в груди, разлилось по телу жаркой волной... Она едва справилась с сердцебиением и поторопилась отойти к вешалке. И перебирала плечики, пока не унялась дрожь в руках и не окрепли колени.

– Вот, – сказала она, вернувшись и приподняв перед ним два роскошных платья.

Шёлковое, золотистое, приталенное, с низким вырезом на груди, без пояса и рукавов. И бархатное, тёмно-синее, почти чёрное, с открытой до пояса спиной, расшитое серебряной нитью.

– Вам завернуть? – спросила Таня.

– Да. Конечно! – закивал головой Владимир.

– Нравится? – наклонила голову Таня.

– Очень! – сказал Владимир. – Но... Мне ещё нужны юбки и блузки.

– Я помню, – улыбнулась Таня.

Она отошла и через несколько минут вернулась с ворохом одежды. Здесь были юбки всех расцветок.

Они вместе выбрали несколько белых и несколько более практичных, потемнее. Затем Таня подобрала к ним с десятков блузок и кофточек, с таким расчётом, чтобы одну и ту же блузку или кофточку можно было носить с разными юбками. Она выписала чек. Надо отметить весьма и весьма приличный. Но Владимир даже не удосужился взглянуть на сумму, и, совершенно счастливый, пошёл в кассу.

Таня вздохнула. Эх, и везёт же. Некоторым... Ей хотелось забиться в какой-нибудь тёмный уголок и выплакаться всласть.

Но плакать было некогда, надо было ещё упаковать всю эту грудку тряпок. Которые были куплены красавцем-майором не для неё, а для другой девушки. Потому что он любит ту, другую, а не её, Таню.

А, ведь, всего-то разницы: она – рыжая, а та – блондинка! Всё остальное одинаковое, вплоть до цвета глаз! А, вот, поди ж ты. Кому-то всё, а кому-то – ничего... Ну, почему такая несправедливость?!

Между прочим, она, ведь, даже не крашенная! Она от природы такая рыжая! От отца с матерью! А, может, обезцветиться? И стать, как все, блондинкой?.. А толку-то?! Всё равно, этот лётчик никогда её уже не полюбит... Потому что уже любит ту, другую. За километр видно!

Таня вздохнула. Ничего, ночью у неё будет достаточно времени, чтобы вдоволь наплакаться в своей одинокой комнатке в коммуналке на Лиговке, под завсегдашний шум и гам пьяных соседских разборок...

Когда Владимир, отстояв очередь, вернулся с оплаченным чеком, она уже заканчивала упаковывать его покупки. Он отдал чек, улыбнулся на прощание, взял все свои пакеты в охапку и понёс в машину.

Татьяна проводила его печальным взглядом...

Уложив всё купленное на заднее сиденье, Владимир вернулся в магазин. По сравнению с той задачей, которую ему предстояло решить сейчас, покупка платьев и юбок с блузками, была пустяком. Сейчас ему предстояла покупка трусиков и лифчиков!

Если бы у него была хоть одна знакомая женщина, которой он мог бы поручить эту задачу, он без колебаний попросил бы её о помощи! Но тех женщин, кого Владимир знал когда-то как мужчина, он никогда не стал бы просить помочь выбрать бельё для Снежки. А женщины—друга у него никогда не было. Кроме Снежки, само собой! Которая теперь считает его своим врагом... Так что и говорить тут больше не

о чем!

Вперёд и с песней!

Когда он подошёл к отделу нижнего женского белья и остановился у прилавка, продавщица зевнула и отвернулась. Ещё один пришёл попялиться на женские панталоны... Боже, как они уже утомили!

– Извините, можно вас на минуточку? – послышалось за её спиной.

– Да? – обернулась она. И обворожительно улыбнулась, отметив про себя мужественный вид и героическую профессию стоящего перед ней мужчины с тремя орденами и медалью на широкой груди. – Я вас слушаю, товарищ лётчик!

– Понимаете, какое дело... – замялся он. – Мне раньше никогда не приходилось выполнять такой боевой задачи...

– Какой? – жеманно поинтересовалась продавщица.

– Мне необходимо приобрести несколько предметов женского туалета, – выдавил, наконец, из себя Владимир. – Я хочу сделать сюрприз. Но не знаю размеров... Зато у меня есть вот это, – он огляделся по сторонам и протянул ей женские трусики.

– Да, да, я вас понимаю, – кивнула продавщица. – Давайте их сюда... Так, так... Ничего страшного, товарищ лётчик! Я вам помогу! Сколько вам нужно, – усмехнулась она краешком рта, с удовольствием наблюдая, как смущается этот суровый на вид мужчина, и тщательно подбирая слова, чтобы его не спугнуть. – Вот этих... Их, то есть.

– Я не знаю, – промямлил он. – А как часто... Это... Ну...
– он не знал куда девать глаза, а продавщица, участливо улыбаясь, дожидалась, когда же он всё-таки свяжет слова в предложение. – Когда нужно... – Владимир задрал глаза в потолок, словно там ища подсказки. – Каков расход в месяц? – подобрал, наконец, он нужную формулировку.

– Возьмите десять штук, – сжалилась над ним продавщица. – Этого должно хватить на некоторое время.

– Выписывайте! – Владимир вздохнул с облегчением, а потом забрал у неё Снежкины трусики и запихал в карман.

Продавщица выписала чек и подала ему.

– Но, это ещё не всё, – Владимир достал платок, снял фуражку, вытер вспотевший лоб и снова её надел. – Мне нужны ещё эти, – он провёл у себя рукой на уровне груди. – Лифчики.

– Какой размер у вашей дамы? – поинтересовалась продавщица.

– Второй, – не задумываясь, сказал Владимир. Именно, этот номер ему назвала Татьяна. А у неё грудь была такая же, как у Снежки.

– А объём?

– Нужно ещё какой-то объём? – удивился Владимир.

– Да. Малый, средний или большой. И ещё, вам с косточками или без?

Владимир растерялся.

То, что бывает виноград с косточками или без, он знал. А,

вот, то, что этот интимный предмет женского туалета, тоже бывает с косточками, он слышал впервые.

Он снова снял фуражку и вытер пот.

– Так, – сказал он, соображая, как поступить. – Давайте, я пока оплачу эти... Предметы. А насчёт косточек мы сейчас уточним.

Он взял чек и пошёл в кассу, оплатил его и заодно отдышался. Да, брат, это тебе не «Юнкерса» завалить, подумал он, это покруче будет!..

Татьяна грустно смотрела в никуда, задумавшись о чём-то своём.

Вдруг она услышала лёгкое покашливание и очнулась от невесёлых мыслей. И увидела Его!

И покраснела до корней волос.

– Извините, Таня, если я вас напугал... – виновато сказал Владимир.

– Н-н-нет, – сказала она. – Н-ничего...

– Выручайте, Танечка, – улыбнулся Владимир. – Подскажите мне одну вещь.

– Какую? – наконец, справилась с внезапно нахлынувшими эмоциями Татьяна.

– Дело в том, что вы сказали, что у вас такие же размеры, как у моей девушки.

– Да, – кивнула она. – Видимо, мы с ней в чём-то похожи...

Владимир посмотрел на неё очень пристально, и она опять

покраснела.

– Мне нужно купить лифчик, – сказал он. – А оказывается, это целая наука, как его выбрать. Нужно знать не только номер. А ещё малый он, средний или большой. И насчёт косточек тоже... А я ничего в этом не смыслю, – Владимир потёр свой большой лоб, сдвинув фуражку на затылок.

Татьяна мягко улыбнулась, видя его в таком волнении. Это было очень странно, но почему-то ей показалось, что они успели с ним подружиться за то время, пока подбирали гардероб для его девушки... Так или иначе, но они уже не были чужими друг другу. И её сердце таяло от этого ощущения.

– Так, – сказала она. – Ничего тут сложного нет. Косточки вставляются в низ чашечек для того, чтобы поддерживать грудь. Обычно это необходимо для женщин, которые уже имеют детей. Молоденькие девушки вполне могут обойтись и без косточек... Теперь, о размере. Я полагаю, что вы, конечно, помните свои ощущения, когда вы... м-м-м... обнимали вашу девушку?

– Ну... Да... В общем, – Владимир пожал плечами.

Потому что, на самом деле, он обнимал Снежку едва ли пару раз.

– Давайте, сделаем так, – сказала Таня. – Сейчас вы меня обнимите и скажете, больше или меньше её объём по сравнению с моим.

Таня сама не понимала, как она осмелилась предложить

ему такое.

Впрочем, судя по всему, это был её единственный шанс! Другого случая побывать в его объятиях, скорее всего, ей уже не представится никогда.

– Давайте, пройдем в примерочную, и вы посмотрите, – сказала она и, не дожидаясь его согласия, пошла вперед.

И это сработало! Он пошел за ней! Таня ликовала, но ничем не показывала этого. Она могла и так сказать ему, какой нужен объем, малый или большой! По платью! Навскидку! Но упускать свой шанс не собиралась!

Ничего не подозревая, Владимир зашел вместе с Таней в примерочную и она задернула шторку, незаметно бросив быстрый взгляд по сторонам... А потом подняла руки и сказала:

– Обнимите меня.

И Владимир обнял.

Её огромные серые глаза взглянули на него в упор... Он почувствовал нежный аромат её чистых волос и лёгкое свежее дыхание.

– Ну, как, – прошептала Таня.

– Почти, – прошептал Владимир.

– Крепче, – шепнула она чуть слышно и опустила руки ему на плечи.

Владимир прижал Татьяну к себе, обхватив её кольцом крепких рук, и у Тани закружилась голова.

– Ещё, – попросила она, едва стоя на ногах.

Он стиснул её в объятиях, чувствуя, как ему в грудь упираются её упругие груди... Танины губы почти касались его рта.

Она была так похожа на Снежку!

Владимир закрыл глаза. И поцеловал её... Она ответила. Их губы слились, сминая друг друга. И время вдруг остановилось...

– Татъя-на! – послышался голос снаружи. – Ты где?

И лишь тогда им удалось оторваться друг от друга.

– Простите! – сказал Владимир, опомнившись.

– Нет, это вы простите меня, – опустила взгляд Татьяна.

– Я не должна была... – в её больших серых глазах стояли слёзы.

Она одёрнула кофточку и вышла.

Владимир сел на стул и потёр ладонями лицо. Да... Вот и уточнил размеры бюста!

Танина грудь была такой же по размеру, как у Снежки. И, вообще, у неё всё было, как у Снежки! Впрочем, теперь о Тане он знал даже больше, чем о собственной жене... Например, то, каковы на вкус её губы и каковы на ощупь ягодицы.

Когда он вышел из примерочной, Татьяна виновато посмотрела на него из-за прилавка. И он не мог не подойти.

– У вас действительно одинаковые размеры груди, – сказал Владимир, глядя на неё.

– Вам нужно взять второй номер со средним объемом, – тихо сказала она. – И возьмите хотя бы один бюстгальтер

без бретелек, для вечернего платья, – Таня подняла на него свои мокрые глаза и попросила. – Скажите мне на прощание, пожалуйста... Как вас зовут?

– Майор Иволгин, – ответил он. – Владимир Иванович.

– Герой Советского Союза... – ахнула Татьяна, широко раскрыв глаза. – Это вы?

– В общем и целом, – пожал он плечами.

– Я не знала, – просто сказала она.

– И слава Богу. А как ваша фамилия? – спросил он.

– У меня очень простая фамилия, – улыбнулась Таня сквозь слёзы. – Иванова.

– Спасибо вам, Танечка! За всё... И не судите меня строго. Вы такая красивая! Поверьте, ни один мужчина на моём месте не устоял бы... – сказал Владимир.

И ушёл...

А она смотрела ему вслед и в её душе тонкими колокольчиками вновь и вновь звенели его слова: «Вы такая красивая!».

– Ну, что? Посоветовались, товарищ лётчик? – улыбнулась продавщица из секции нижнего женского белья.

– Так точно! – бодро ответил Владимир. – Второй номер, средний объём, без косточек, пять обычных, один – без бретелек!

– У вас, наверное, хороший советчик по этим вопросам, – ухмыльнулась продавщица, выписывая чек.

Владимир поправил фуражку и ничего не ответил.

В принципе все поставленные задачи он выполнил. Осталось только зайти в обувной отдел... И ещё кое в какой...

Снежка за один день научилась определять приезд Владимира по звуку мотора его машины.

А, может, по усиливающемуся сердцебиению, едко спросила она сама себя. Боишься ты его, что ли, разбойника своего? Или влюблена?

– Или! – съязвила сама себе Снежка.

А потом залезла под одеяло и укрылась с головой. Она будет сидеть под одеялом до тех пор, пока этот негодяй не вернёт ей подло украденную им одежду! И будет так сидеть хоть до самого Нового Года! И не вылезет, пока он не вернёт её платье и трусики!

Когда Владимир зашёл в квартиру, его встретила глухая, гнетущая тишина... Сначала он ничего не понял, а потом ужасное предчувствие охватило его душу! Швырнув многочисленные пакеты и коробки на пол, он кинулся в Снежкину комнату.

Она лежала, накрывшись одеялом, и не шевелилась.

Владимир упал на колени перед её кроватью, обнял и почувствовал, что она дышит. Боже мой!.. Его сердце билось у самого горла, так и норовя выскочить наружу.

– Снежка! Не пугай меня так больше никогда... – прошептал он, уткнувшись лицом ей в спину.

– Ты! – гневно крикнула она, сбросила одеяло и оттолкнула его. – Негодяй! Зачем ты украл мою одежду?!

Владимир сидел на полу и смотрел на неё, ничего не понимая.

Снежана привстала на коленях на кровати. Её золотые волосы были растрёпаны. Глаза полыхали бешеным ледяным огнём. Белая шёлковая рубашка расстегнулась на несколько пуговиц...

– Снежка, – сказал Владимир. – Я хотел купить тебе новое платье, но не знал твоих размеров. Вот и пришлось взять старое... Не ругайся. Иди лучше посмотри, что я тебе привёз.

– Ты! Преда... – она осеклась на полуслове. – Что? Что ты сказал?.. Ты что-то мне привёз?

– А ты иди и посмотри, – сказал Владимир. – Там, в коридоре...

Снежана мгновенно спрыгнула с постели и пулей выскочила из комнаты, шлёпая по полу босыми пятками. И через секунду тишину разорвал её восторженный визг.

Ради одного этого стоило поторчать в очередях, подумал Владимир!

А потом началось феерическое представление...

Снежкина комната превратилась в раздевалку. Она посадила Владимира на тахту в большой комнате, а сама меняла наряды один за другим и вертелась перед ним, смеясь и радуясь обновкам, как ребёнок. Совершенно счастливая.

Все эти платья, юбки, блузки и кофточки, так безжизненно лежавшие на прилавке в магазине, оказавшись на ней, вдруг оживали, наполняясь энергией стройного девичьего

тела. А Снежка, то кружилась перед ним в одном платье, то скользила, вальсируя, в другом, то выступала, как настоящая пава в третьем...

Платьев было много, а счастья в милых льдисто-серых глазах ещё больше.

Внезапно она подскочила к нему, запрыгнув на тахту с ногами, обняла и поцеловала в щёку. А потом заливисто засмеялась и убежала переодеваться дальше.

Владимир ошалел от её поцелуя...

Но ему удалось-таки придти в себя за те несколько минут, которые понадобились Снежке, чтобы сбросить предыдущее платье, надеть следующее и переобуться.

На этот раз она вышла и предстала перед ним, расправив подол, в том самом белом платье в синюю полоску с короткими рукавами, отложным воротником и широким поясом, которое надевала продавщица в магазине.

У них действительно были одинаковые фигуры. Но теперь, когда Владимир увидел это платье на любимой, он вдруг осознал огромную разницу.

Она улыбалась Владимиру и, поворачиваясь чуть-чуть из стороны в сторону, не сводила с него сияющего взгляда. Её золотистая чёлка упала на лицо, и она периодически сдувала её, чтобы она не мешалась...

Вместе с платьем Снежка интуитивно надела белые лакированные туфельки, которые он ей купил специально для этого наряда. Они настолько гармонировали с ним, как буд-

то шли в комплекте.

Владимир встал и подошёл к ней.

Она посмотрела прямо ему в глаза. И столько любви прочитал он вдруг в её взгляде, что просто остолбенел.

Но быстро опомнился. Ведь это было невозможно! Он, ведь, совершенно точно знал, что она любит другого!

Снежана что-то заметила в его глазах. Какую-то мимолетную грусть... О чём он подумал? Или о ком?.. Ей стало холодно.

Но в этот момент Владимир достал из кармана маленькую коробочку и открыл её. И Снежка завизжала и запрыгала, хлопая в ладоши и позабыв обо всём на свете!

На чёрном бархате внутри коробочки сверкали и искрились тысячами огней бриллиантовые серьги.

Снежка тут же продела их в свои маленькие ушки, схватила Владимира и потащила к зеркалу, чтобы посмотреться.

И притихла от восхищения.

В зеркале, перед ней, замерла юная стройная девушка в чудесном бело-синем платье с бриллиантовыми серёжками в ушах, а рядом стоял крепкий молодой мужчина в бриджах и тёмно-синем френче с орденами.

Владимир снова полез в карман, и Снежка зажмурилась, не зная чего ещё ожидать. Только сердце отчаянно стучало у неё в груди...

Он взял её за руку, и она затаила дыхание... И не дышала, пока он не надел ей на палец кольцо.

Она распахнула глаза и подняла руку, чтобы посмотреть. На безымянном пальце правой руки сверкало золотое обручальное кольцо.

Это был последний удар!

Снежка повернулась к Владимиру. В её глазах стояли слёзы. Она ткнулась ему в плечо и разревелась.

Владимир ожидал какой угодно реакции, когда надевал колечко на её тоненький пальчик. Но только не этой... Он думал, что Снежка швырнёт его ему в лицо. Или отвергнет с холодным презрением. А, может, обрадуется и повиснет на шее... А она разревелась.

Он гладил её по спине, а она всхлипывала, потихоньку успокаиваясь в его крепких объятиях. Как их ей не доставало, оказывается!

– Слушай, Снежка! Совсем забыл! – вдруг вспомнил Владимир. – Я, ведь, ещё кое-что купил. В машине осталось. Сейчас принесу.

Владимир посадил её на заваленную тряпками кровать и вышел...

К тому времени, когда он вернулся, Снежка уже нарядилась в новое платье. Вечернее. Из тёмно-синего, почти чёрного, бархата, расшитое серебряной нитью, с огромным вырезом на спине. К этому платью Владимир купил для неё чёрные лакированные лодочки на высоком каблуке. Снежка подобрала сзади волосы, зачесала их на одну сторону и закрепила шпильками.

Увидев Владимира, она прошла перед ним, высоко подняв голову, повернулась к нему спиной и посмотрела через плечо. И он застыл, раскрыв рот...

Кто же эта пленительная красавица?!

Владимир выронил пакеты из рук. И, наклонившись, стал поднимать, не отрывая глаз от неё. А она, довольная произведённым эффектом, засмеялась звонким Снежкиным смехом... И только тогда он поверил, что это она и есть.

– Что это у тебя? – спросила она.

– Так, всякие мелочи, – смутился Владимир. – Сама посмотри.

Снежка развернула один, увидела, что в нём, и побледнела. Развернула второй и побледнела ещё сильнее.

У Владимира появилось нехорошее предчувствие.

Кажется, опять он сделал что-то не так. А, ведь, хотел как лучше... Ну, когда же он поумнеет!

– Как ты посмел? – сказала Снежана ледяным голосом.

– Снежка...

– Мерзавец, – тихо сказала она. – Значит, ты за этим украл мои трусы. Чтобы показывать их посторонним людям, – она сняла с пальца обручальное кольцо, вытянула руку и уронила его на пол.

Оно зазвенело, ударившись, подпрыгнуло и укатилось куда-то.

Только не это, уж лучше бы она кричала на него, била и царапала, только бы не этот спокойный, бездушный тон, по-

думал Владимир.

– Эти люди помогли тебе и лифчики для меня выбрать? – спросила Снежана ровным голосом. – Что ты им обо мне сказал? А может, опытным путём подобрал, на ощупь?

– Я... – начал было оправдываться Владимир. И смутился.

– Так я и думала. Предатель... – сказала Снежана. – Верни мои трусы.

Он достал её трусики из кармана и протянул. Она взяла их, а затем вынула из ушей серёжки, положила на стол и ушла в свою комнату.

Владимир стоял, как оплётанный.

В мозгу у него бродила по кругу только одна мысль – если ты собираешься стреляться, то лучше случая уже не найти...

Несколько минут спустя Снежана вышла из своей комнаты, уже переодетая в своё старое ситцевое платье. В несколько приемов она перенесла все купленные Владимиром вещи и аккуратно положила их на тахту.

Владимир молча прошёл в её комнату, достал из шкафа гимнастёрку, переоделся и переложил документы.

Она, стоя у дверей, ждала, когда он выйдет.

– Прости... Я не мерзавец. Я – полный идиот... Я не думал, что... – сказал Владимир.

Она ничего не ответила, а просто тихо притворила за ним дверь.

Владимир достал из кобуры и запер в верхнем ящике стола свой ТТ. От греха. Потом зашёл на кухню, оставил на сто-

ле ключи от квартиры, сунул в карманы бриджей обе бутылки водки и ушёл в ночь.

Куда глаза глядят.

И в их доме, где ещё недавно было так весело и хорошо, стало тихо, как в склепе.

Потому что Снежка рыдала совершенно беззвучно...

Глава четвертая

Она стояла у распахнутого окна и молча смотрела в окрашенное утренней зарей небо. Лёгкий ветерок играл её золотистыми локонами. И птицы свиристели на все лады, подпевая шелесту берёз и тополей.

Эта безконечная, бессонная ночь, наконец, миновала.

Снежка горько плакала до тех пор, пока не кончились слёзы. Но и после этого её плечи ещё долго сотрясались от рыданий, хотя слёз в зарёванных глазах уже давно не осталось...

Он так оскорбил её!

Когда он привёз ей столько новых красивых платьев и блузок, подарил ей эти чудесные серёжки, она так обрадовалась, она подумала, что, может быть, он всё-таки её немножко любит. Он так смотрел на неё, когда она меняла эти замечательные наряды один за другим, что всё таяло у неё внутри... А когда он надел ей на палец обручальное колечко, рухнули, наконец, все ледяные айсберги, которые сковали холодом её душу. И она отдала ему свое сердце. И ей показалось, что она счастлива.

Увы, ей это только показалось...

Потому что он предал её!

Снежане хотелось уйти из этой квартиры, куда глаза глядят... Но идти ей было некуда. И не к кому.

На всём белом свете у неё не было ни одной родной души.

Кроме её отца.

Но он был арестован несколько дней назад, как враг народа. Она очень надеялась, что вскоре всё выяснится. Потому что это ошибка. И его обязательно освободят!

У неё была подруга, но она, не раздумывая, проголосовала за исключение Снежаны из комсомола, когда стало известно об аресте её отца. И это было предательством. Это было подло.

Она полюбила одного человека, но он так и не сумел об этом догадаться. И полюбил другую женщину. Это не было предательством. Но это было очень больно...

Она всё-таки вышла за него замуж, хотя он безжалостно предупредил её, что их брак будет считаться фиктивным и он никогда, никогда, никогда к ней не прикоснётся. Это не было предательством. Но это было очень, очень больно...

Она надеялась, что он однажды всё-таки полюбит её, что их брак однажды всё-таки станет настоящим.

Но он подло предал её!

Он... Он...

Нет, она не могла об этом думать!.. Он показывал другой женщине её трусики! Он обнимался с ней! Он сам сознался! И, конечно же, он с ней целовался! Он даже, наверное...

И это было предательством!

А, может, вдруг подумала Снежка, она сама виновата? Сама же повесила свои трусики у него на виду! Причём, специально! Повесила так, чтобы он не мог их не заметить! Но, не

для того же, сказала она себе, чтобы он их таскал и показывал своим любовницам! Совсем для другого! Она вовсе не этого хотела!.. А он, всё равно, подлый предатель! Он предал её! И оставил одну. И ушёл к той, другой...

Снежане было очень плохо!

И никого не было рядом, кто помог бы ей пережить эту беду.

Потому что тот единственный, кто мог бы это сделать, сам оказался предателем.

А, может, перелезть через подоконник и дело с концом? Может быть, это будет наилучшим решением всех проблем?..

Сначала Владимир хотел уйти, куда глаза глядят. А потом передумал. Потому что, именно здесь, в этом доме находилась та, единственная, за которой он мог и хотел бы пойти без оглядки куда угодно, хоть на край света.

Он поступил, как идиот!

Он очень, очень, очень обидел её и оскорбил!

И поэтому не мог оставаться с ней под одной крышей, чтобы ей не было ещё больше от его присутствия. Но оставить её одну, без защиты, Владимир всё равно не мог. Он должен был за ней присмотреть! В конце концов, хотя бы за тем, чтобы она сама не убежала, куда глаза глядят.

Потому что она была очень независимой и гордой девушкой. Только ещё очень молодой. И не знала по молодости лет, что мир вокруг очень жесток и не делает никому скидок, и

никому никогда не даёт второго шанса. Или почти никогда.

Поэтому он всю ночь просидел возле дома в машине, беседуя сначала с одной бутылкой, а потом, когда тема иссякла, с другой. Когда и эта тема подошла к концу, он подумал, что не дурно бы смотаться на вокзал за выпивкой, но так и не нашёл ключи зажигания, махнул рукой и задремал, уткнувшись лицом в рулевую колонку.

Вдруг что-то словно толкнуло его в бок! Вставай и иди! Домой! И он встал, захлопнул за собой дверку своей «эмки» и пошёл.

Это было не так-то просто. Потому что лестница была очень крутая и до невозможности длинная.

Но он был настырным парнем и всё-таки сумел её одолеть.

Перед тем, как войти, он попытался протрезветь хоть немного, но не очень в этом преуспел. А, впрочем, отнестись к нему хуже она всё равно уже не сможет. Потому что хуже, чем она к нему относится, к нему относиться уже невозможно!

Снежка слышала, как хлопнула дверца его машины. Но она не слышала, как он подъехал. А, может, он просидел здесь, под окном, в машине, всю ночь?

Странно, но от этой мысли ей стало немного легче. Значит, он не был этой ночью с другой женщиной! А, впрочем, это не важно. Он сам вчера признался, что обнимался с ней. И ещё он показывал ей Снежкины трусики! И, конечно же, целовался!

Предатель!

Снежка напряженно вслушивалась в каждый шорох...

А, может, он идёт домой? Но почему так долго? Наконец, она не выдержала, подбежала к двери и открыла её.

В тот самый момент, когда Владимир собрался-таки с силами, чтобы постучать.

Он забыл, что, уходя, оставил входную дверь открытой. А, может, уже не считал себя вправе переступить этот порог без согласия живущей здесь девушки. Его любимой. Его единственной... Той, которая его не любит. Той, которую он обидел. Той, которая его ненавидит... Потому что она – его жена.

Он поднял голову и мутным взором оглядел её стройную фигурку.

– Прости меня, – сказал он. – Я – свинья! И нет мне прощения...

Его качнуло. Снежка смотрела на него с ужасом и почему-то с жалостью.

– Если ты меня не простишь, – покачиваясь, пробормотал он. – Мне незачем жить... – он махнул рукой и попытался повернуться, чтобы уйти. – Нет мне прощения!

Снежка смотрела на него и качала головой. Таким она не видела его никогда в жизни! Нет, она, конечно, видела пьяных мужчин. Но, чтобы до такой степени!

Владимир был совершенно пьян. И его нельзя было никуда отпускать в таком виде! Она подскочила к нему и под-

хватила под плечо. Он посмотрел на неё, прищурившись, и помотал головой.

– Снежка, любимая, – пробормотал он и опёрся на неё.

Какой же он тяжёлый, оказывается! Слава Богу, идти было недалеко.

Интересно, что это он сейчас брякнул? Или ей послышалось? Она усадила Владимира на тахту, отодвинула тряпьё и присела рядом.

– Что же это ты творишь, товарищ майор Герой Советского Союза? – с укоризной спросила она. – Зачем ты так напился?

– Я? Напился? Да. Я напился... Потому что никакой я не герой... Я – свинья! – ударил он себя в грудь кулаком. – Я обидел тебя... Но, ведь, я хотел, как лучше. Поверь! – взмолился он, прижимая кулак к груди. – Я просто – идиот, – он махнул рукой и опустил голову на грудь. – Нет мне прощения...

– Ну, и зачем же ты это делал? – спросила она.

– Что я делал? – удивился он.

– Показывал мои трусики посторонним.

– Я никому их не показывал! – замотал он головой, не в силах её поднять. – Только один ма-а-аленький разочек. Продавщице... На одну минутку. И всё!.. Потому что я не знаю, какие у тебя размеры, – он упёрся локтями в колени и уронил голову в ладони. – Это ужас какой-то! Я не знаю размеры моей любимой жены! – он схватился за волосы и

застонал. – Нет мне прощения!

– Ну, что ты болтаешь? – как с маленьким ребёнком разговаривала с ним Снежка. – Ну, какая ещё любимая жена?

– У меня только одна любимая жена! – Владимир попытался поднять голову и уронил обратно. – Моя Снежка!

– Я, что ли? – засмеялась она.

– Ты – Снежка? – удивился он, не отрывая лица от ладоней.

– А кто же ещё?

– Значит, ты и есть моя любимая жена! – стукнул он кулаком по колену. Его голова качнулась, не удержавшись на одной руке, и он снова подпер её обеими.

– Я просто твоя жена, а вовсе не любимая, – грустно сказала Снежка.

– Не ври! Врать старшим не хорошо! – погрозил он ей пальцем, не поднимая головы. – Я сказал – любимая, значит – любимая!

– Господи, ну что же ты так напился-то! Тебе же на службу уже скоро.

– Перебьются! Не маленькие! – отмахнулся Владимир. – От меня жена ушла. Любимая... Не до них сейчас!

– Что ты несёшь. Никуда я от тебя не ушла... – вздохнула Снежка.

Ну, как, скажите, на такого дурака сердиться!

– Вот! А раз, не ушла, – снова стукнул он кулаком по колену. – Значит, ты – моя жена! А раз жена, значит – любимая!

– Железная логика! – похвалила его Снежжа.

– То-то! А ты говорила, что не любимая! Я же говорил – любимая! – бормотал он, не отрывая лица от ладоней. – А ты не верила. Видишь теперь, что я говорю правду! Я всегда говорю правду! Веришь теперь?

Вдруг его локти соскользнули с колен. Он попытался снова их там утвердить, но у него ничего не вышло. Владимир уронил руки на колени, и его склонённая голова упёрлась в грудь.

И как ещё разговаривать-то умудряется, подумала Снежжа.

– Верю, верю! – сказала она. – Сам-то хоть будешь помнить, что сейчас несёшь?

– А что я несу?

– Ну, вот, уже и не помнишь...

– Нет, ты скажи! – настаивал Владимир. – Что я несу?

– Ты сказал, что любишь другую женщину... – вздохнула Снежжа.

– Я сказал? – удивился он, не поднимая головы и не открывая глаз.

– Да, и ещё ты сказал, что вчера с ней был! – гнула свое Снежжа.

– Это неправда! Нет у меня никакой другой женщины! И ни с кем я вчера не был! Это всё вранье! Не верь ему! – бормотал Владимир.

– Кому ему? – спросила Снежжа.

– Тому, кто тебе всё это наврал!!

– Господи, какой же ты смешной! – вздохнула она.

– Я не смешной! – обиделся Владимир.

– Смешной!

– Нет!

– Ну, ладно, – согласилась Снежка. – Не смешной, не смешной. Ответь только, почему же это ты Снежку свою не любишь совсем?

– Это он тебе тоже наврал! – сказал Владимир.

– Кто? – не поняла она.

– Тот, кто тебе всё время врёт! А ты его слушаешь. Я Снежку очень люблю! – он снова попытался поднять голову и открыть глаза, и снова у него ничего не вышло.

– Да-да-да! Так я тебе и поверила! У тебя же есть другая женщина! – задирала его Снежка.

– О-о-о! – застонал Владимир, мотая головой. – Да, как же тебе объяснить-то, пехоте! Нет у меня никакой другой женщины!

– А с кем же это ты целовался вчера! – подначила его она.

– Да ни с кем я не целовался!.. Нет. Вру. Поцеловался один разочек... Всего один небольшой разочек. Она такая несчастная была, одинокая. Мне её так жалко стало...

У Снежки сразу всё внутри похолодело.

– Та-а-ак! – протянула она, наливаясь ледяной яростью. – Значит, сначала ты ей трусики мои показал, а потом лизаться стал!

– Да, нет, – отмахнулся Владимир. – Та совсем другая продавщица была. А эта так на Снежку похожа! Так похожа! И фигура, и глаза, и грудь. Вылитая Снежка! Только рыжая, – Владимир вздохнул и пробормотал. – Я ей понравился... А Снежка меня не любит совсем.

Сначала она хотела врезать ему, что есть силы, по его предательской физиономии, и ещё, и ещё!

Но потом подумала, а вдруг это он её, Снежку, хотел поцеловать, а не ту, другую! Ведь, он сказал, что эта женщина была очень на неё, Снежку, похожа... А эта змеюка рыжая воспользовалась тем, что мужчина один, без присмотра! А он и попался, как дурак! Несчастливая она, видите ли! Одинокая! И этот, тоже хорош, разозлилась Снежка! Пожалел её, говорит! Да, я тебя!

– Всё равно меня Снежка не любит, – Владимир уткнулся лицом в ладони, явно разговаривая сам с собой. – Она другого любит.

– Чего? – ещё не остыв, рявкнула на него Снежка. – Ты чего это выдумываешь тут?

– Я, – покачал указательным пальцем Владимир. – Не выдумываю! Я – знаю!

– И откуда же это, ты знаешь, интересно!

– А-а! Испугалась? То-то же! – снова покачал пальцем он. – Я всё-ё знаю!

– Ну-ка, ну-ка! Поделись! – не отставала Снежка.

– А чего тут делиться? Меня она видеть не хотела? Не

хотела. Это раз. Я её старше? Старше. Это два. Вот она и влюбилась в однокурсника! Это три! Я потому и перестал к ним ходить, что бы на пути у неё не стоять. Это четыре. И, вообще, она меня ненавидит. За то, что я её заставил за меня замуж выйти! Это пять! Э-эх, ты, пехота, – махнул он рукой и как-то умудрился снова подпереть ей голову.

– Железная логика, – пробормотала Снежка.

– А то, – согласился Владимир, не поднимая головы. – Я же говорю... Я всё знаю!

– Ладно, всезнайка, давай-ка ты лучше спи, – сказала она. – А я с тобой завтра поговорю!

– Не надо со мной завтра! – взмолился Владимир. – Я больше не буду! Не надо завтра со мной говорить!

Снежка только вздохнула. Господи, неужели все мужчины до старости как дети? Она на него уже не злилась. А этой стерве, если попадётся, она её рыжие космы ещё повыдергает, чтобы не лезла к чужим мужьям!

Снежка встала. Владимир словно того и ждал. Его качнуло, он упал на бок и забылся.

А она ещё долго стояла и смотрела на него...

Он всё время твердил, что любит её, Снежку. Неужели, не врёт? Она закрыла лицо ладонками. Господи, хоть бы это было правдой!

А, может, это просто пьяный лепет и бред?

Нет! Только не это!

Ей теперь уже не перенести такого разочарования! Те-

перь, когда она наслушалась от него столько признаний в любви! Пускай и спяну! Ничего, она обязательно дожждётся, когда он всё это повторит ей совершенно трезвый!

Вдруг Снежка увидела, как в углу что-то блеснуло. Она подошла поближе. Да, это лежало её колечко. Она подняла его и зажала в своём крепком кулачке.

Пока она это кольцо одевать не собирается, но, может быть, потом, чуть позже?

Всё может быть, вздохнула Снежка.

Потому что она любит Владимира, и будет любить всегда...

Из небытия его вырвал назойливый звон полевого телефона, к которому вскоре присоединилось противное дребезжание городского.

А, может, позвонят и перестанут, мелькнула у Владимира несбыточная надежда.

Он поднял чугунную голову и посмотрел на оба аппарата одновременно. На полевой – левым глазом, а на городской – правым. Если бы его взгляд обладал испепеляющей силой, они оба уже превратились бы в угольки.

Владимир поднёс руку к лицу и попытался рассмотреть циферблат своих командирских часов... И ему это почти удалось.

Около восьми... Или девяти.

Чего им надо?! Сегодня же выходной!.. И, вообще, ему не до них!

А, собственно, почему это не до них?

Владимир поморщился и попытался вспомнить вчерашний вечер. И застонал от дикой головной боли... Ни хрена он не помнит.

А, впрочем... Что-то такое было.

Точно! Он сел так резко, что комната заходила ходуном у него перед глазами.

Снежка! Он нечаянно обидел Снежку, и она от него ушла!

Владимир вскочил и, не обращая внимания на трезвон, кинулся в её комнату.

И застыл, умиротворённый...

Отбросив одеяло, она, одетая, крепко спала на своей кровати, свернувшись калачиком и поджав под себя ноги.

Владимир укрыл её, притворил дверь и бросился к телефону. И поднял обе трубки сразу. Обеими руками.

Только бы они её не разбудили!

Он лично, собственной рукой, удавит этих несчастных абонентов, если они разбудят его любимую, которая, оказывается пока ещё никуда от него не ушла. И, может быть, ему ещё удастся вымолить у неё прощение! Потом... Днём... Когда она выспится.

И будет гораздо лучше, чем если проснётся от этого трезвона прямо сейчас!

– У аппарата, – прохрипел он в обе трубки разом, поднеся одну к левому уху, а другую к правому.

– Владимир Иванович, – Владимир поморщился. По го-

родскому телефону звонил его заместитель.

– Товарищ комбриг, – Владимир скривился. По полевому звонил дежурный по штабу.

– Что случилось? – спросил он дежурного.

– Всё в порядке, товарищ комбриг, но...

– Отставить! – приказал ему Владимир и положил трубку.

А потом отозвался по городскому. – Слушаю.

– Владимир Иванович, в девять открытие бригадной спартакиады.

Владимир мысленно выругался. О спартакиаде он совсем забыл.

– Николай Петрович! – сказал он. – Мне что-то нездоровится. Начинайте без меня. Во сколько награждение победителей?

– В два. А что случилось? Может, врача прислать?

– Нет, врача не надо. Пришли за мной машину в час. Добро?

– Слушаюсь!

– Конец связи, – сказал Владимир, положил трубку и сел за стол, уперев голову в ладони.

Давно он так не напивался!

Владимир попытался восстановить в памяти события вчерашнего дня. Его жизнь в последнее время стала такой насыщенной, что в двадцать четыре совершенно объективных часа успевало вместиться гораздо больше субъективных. Может, даже в два раза! Хотя что-то подсказывало Владимиру,

что не в два, а гораздо больше...

Он привёз Снежке кучу новых платьев. Она радовалась и наряжалась. А потом... А потом она рассердилась. Потому что развернула пакеты и увидела нижнее бельё, которое он ей купил. И это оскорбило её до глубины души!

Почему, ну почему он такой идиот! Ему даже не пришло в голову, что Снежку так глубоко заденет то, что он показал её трусики продавщице, чтобы купить ей смену белья. Он даже предположить не мог, что она так болезненно это воспримет! А должен был бы! Если бы не был таким толстокожим самовлюблённым дураком! Он, видите ли, сюрприз хотел преподнести! При-дурак! И вместо этого обидел свою единственную, свою любимую.

Боже! Его несчастная голова не просто разламывалась, она уже растрескалась и начала распадаться на части.

Владимир встал и, пошатываясь и шаря руками по стене, побрёл на кухню.

Где-то в тумбе лежала фляга. Его энзэ. Если он её сейчас не найдёт, врач ему уже не понадобится...

Владимир опустился на пол перед тумбой и открыл дверки.

Вот она! Он достал стеклянную фляжку, скрутил ей голову и плеснул чуть-чуть в гранёный стакан.

Теперь налить в другой стакан воды. Чтобы запить... Потому что в этой фляжке он держал медицинский спирт.

Владимир посмотрел на стакан со спиртом и его передёр-

нуло. Это всего лишь лекарство, сказал он себе. Просто лекарство... Он выдохнул, выпил его залпом и опрокинул в горло стакан воды. И замер, не дыша.

Головная боль чуть-чуть отошла. Сдала свои позиции и с барабанным боем отступила... Надолго ли? А, впрочем, хоть насколько. Лишь бы сейчас полегчало!

Владимир кое-как добрался до тахты, упал и снова отключился...

Снежка сидела у распахнутого окна и смотрела на улицу, поставив локти на подоконник и подперев ладонями голову.

В час за Владимиром пришла машина. Он второпях побрился, надел френч с орденами и ушёл, так и не подняв на Снежку своих виноватых глаз и не сказав ей ни слова. Хотя она достаточно красноречиво стояла на пороге...

День понемногу близился к вечеру. Яркий солнечный диск повис почти над самой крышей дома напротив. На небе не было ни облачка, только где-то очень-очень высоко, на голубом фоне тонким, прозрачным пологом развернулись белёсые перья. Слегка покачивая зелёными ветвями, шелестели стройные тополя. По улице ездили машины, шли люди. Шла какая-то жизнь.

А она просто сидела и смотрела.

Столько событий, хором навалившись на неё за эти несколько дней, полностью её вымотали. Арест отца, исключение из института и комсомола, фиктивный брак, ссора с любимым. И слёзы, слёзы, слёзы... Похоже, она выплакалась

на целую жизнь вперёд. Все нормы перевыполнила. Стахановка.

Слава Богу, хоть смеяться и радоваться ещё не разучилась!

Однако правильно говорят, не смейся слишком много – долго плакать будешь.

Ей так хорошо, так радостно было наряжаться и крутиться, и прохаживаться в новых платьях перед восхищённым Владимиром, что она не могла удержаться и смеялась, абсолютно счастливая. А потом проревела всю ночь, несчастная, оскорблённая и униженная. И этот шок от вида пьяного Володьки, раздавленного, растерзанного ею же самой! Они так измучили друг друга за эти дни...

И, вот, теперь она сидит у окна, совершенно опустошённая.

Снежка вздохнула. Пьяный вдребезги Владимир столько наговорил ей слов любви, что она до сих пор ещё не пришла в себя.

Он не мог врать. Он был слишком пьян.

Оказывается, он её любит. Если бы у неё ещё оставались хоть какие-то силы, она кружилась бы по комнате и пела. Но она была так измучена, что даже обрадоваться толком не могла.

А, может, он всё врал?

Нет. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Почему же он решил, что она его не любит? Глупый! Ка-

кой же он всё-таки глупый! Выдумал себе какую-то ерунду... Только слепо-глухо-немой не догадался бы, что она влюблена в него без памяти... Похоже, он сам этот слепо-глухо-немой и есть!

И нет у него никакой другой женщины! Нет и не было... Снежка тихо улыбнулась... Она сама, как дура, понавывывала себе что попало.

Но, ведь, он целовался с этой рыжей продавщицей!

Ну, и ладно, сказала себе Снежка. Подумаешь, разочек поцеловался! Вот, она возьмёт и сама его поцелует! И посмотрим тогда, захочет ли он ещё с кем-то после этого целоваться!

Снежка зажмурилась. Она его обязательно поцелует... Сама.

Тёплая волна прокатилась по её телу от груди до самых пяток.

Она – его жена. Его любимая жена, сказал он и твердил это без перерыва, пока не уснул!

Неужели, это правда?..

Владимир вернулся домой на закате.

Похоже, это становится традицией, подумала Снежка.

– Снежана, – сказал он, заглядывая в её комнату, но, не решаясь войти.

По его озабоченному виду Снежка сразу поняла, что что-то случилось.

– Да, – ответила она.

– Я зашёл попросить прощения и попрощаться, – виновато смотрел он на неё.

– Прощаться? Ты уезжаешь? – спросила Снежка безразличным тоном, хотя от его слов всё сжалось у неё внутри. – Когда? – она едва нашла в себе силы, чтобы не показать виду, насколько расстроена.

– Я должен ехать. Сейчас... Это приказ. В Киев. Командно-штабная игра, разбор полётов, а потом совещание командного и начальствующего состава.

У Снежки немного отлегло от сердца, и она отпустила спинку кровати, за которую инстинктивно ухватилась, чтобы не пошатнуться, когда он сообщил ей о своем отъезде. Ухватилась так, что побелели пальцы!

– Когда ты вернёшься?

– Через полторы недели. Вот – деньги, – Владимир положил на табурет несколько денежных пачек. – Этого должно хватить, если что... Я привез паёк. Но, может, ты захочешь что-нибудь купить... Только я очень тебя прошу, не ходи никуда. Вообще, не выходи из дома! Пожалуйста!! – взмолился он. – Будет лучше, если ты запрёшься и не будешь никому открывать. Даже к дверям не подходи! И на телефонные звонки не отвечай! – он заторопился и зачастил, увидев, как сверкнули её глаза. – Это необходимо для твоей безопасности! И только на время моего отсутствия! Я вернусь и всё устроится, всё будет хорошо, мы обо всём поговорим и всё наладится!

Снежка опустила глаза. Он так беспокоится о ней, потому что любит её, подумала она! И на сердце у неё потеплело...

Он так неуверенно просит её. Не заставляет, не настаивает на своём, а почти умоляет!

Потому что больше не собирается держать её взаперти настолько.

– Хорошо, – сказала она.

– И ещё... – он посмотрел ей прямо в глаза. – Ради Бога, ни за что не ездь в Ленинград! Я вернусь и сам, через своих ребят, аккуратно выясню всё, что только будет возможно о твоём отце. Ему будет в тысячу раз легче, если ты будешь в безопасности! Если ты будешь недосыгаема! Поверь, Снежана! – Владимир крутил и мял в руках свою фуражку, почти выворачивая её на изнанку. – Будет лучше, если никто не будет знать, где ты сейчас!

– Хорошо, – повторила Снежка. И подумала, что разбойник-то её, оказывается, сам боится, что её у него украдут!.. Это ничего! Пусть боится! Но мучить его сейчас Снежке не хотелось. Пускай сначала вернётся, а то ещё наделает каких-нибудь глупостей. А когда вернётся, она с ним, наконец, поговорит всерьёз! Почему он так за неё боится? Неужели так сильно любит?!

– Снежана... – Владимир замялся, и у неё вдруг мелькнула надежда, что вот сейчас он, наконец, скажет ей трезвый то, о чём твердил пьяный. Этим, уже теперь таким далёким, утром. Что она – его любимая жена. Что он её очень-очень

любит.

– Ты меня прости за вчерашнее, – сказал он. – За это... За то, что... Я – просто идиот. Я не подумал... Я не хотел.

– До свиданья, – сказала Снежка. И вздохнула. Потому что ждала совсем других слов. – Не будем об этом сейчас... Приезжай скорее. Я буду тебя ждать.

Его глаза так вспыхнули после её слов, что она едва удержалась, чтобы не отпрыгнуть от него! Или нет. Наоборот. Кинуться к нему!

Она будет ждать его! Владимиру вдруг безумно захотелось схватить её, стиснуть в объятиях и поцеловать! Но он заметил, как Снежка вздрогнула, когда его мотнуло к ней. И сдержался... Она испугалась! Она его боится. Потому что...

Владимир стиснул зубы, яростно нахлобучил на голову фуражку и повернулся, чтобы уйти.

– А вещи? – воскликнула Снежана неожиданно для самой себя. – Ты едешь совсем без вещей?

– Тревожный чемодан в машине, – хмуро сказал Владимир, не решаясь поднять на неё глаза.

И только в дверях обернулся.

Снежка стояла на пороге своей комнаты. Вечернее солнце превратило её волосы в облако червонного золота. В серых глазах сверкали ослепительно яркие льдинки. Нежные губы были чуть-чуть приоткрыты. Она сложила ладошки у груди...

На ней было её старенькое ситцевое платье.

Владимир закрыл глаза и застонал от боли, внезапно пронзившей его сердце. Она так и не захотела принять его подарки... И он ушёл.

Снежка подбежала к окну, и дождалась, когда Владимир выйдет из подъезда. И долго-долго смотрела вслед машине, увезшей её любимого. Надолго-надолго... На целую вечность...

Она за эти дни так привыкла, что он всё время рядом, за стенкой, только руку протяни. Она так привыкла к его слегка хриловатому голосу, так привыкла к его тёмным карим глазам, то восхищённым, то печальным.

Ей вдруг стало безумно одиноко в этой гулкой и пустой квартире. Настолько одиноко, что она еле-еле удержалась, чтобы не кинуться вслед за исчезающей вдаль машиной...

Снежка долго ещё смотрела на опустевшую улицу. И хотя по ней по-прежнему ездили автомобили и ходили люди, она никого не видела...

Он уехал. И эта улица опустела. И этот город. И эта Вселенная...

Снежка подошла и закрыла входную дверь на замок. А потом отключила телефоны. Это было нетрудно. Просто вынуть в одном проводок из зажима, а другой выдернуть из розетки. Она никуда не будет выходить. Она сядет у окна и будет ждать Владимира. Своего любимого. Который обязательно к ней вернётся. Надо только немного подождать.

А впредь она никуда и никогда его одного уже не отпу-

стит! Она заставит его брать её с собой повсюду, куда бы его ни послали! Хоть на Юг, хоть на Север! Хоть в Киев, хоть в Тмутаракань! Она его заставит! Она ему покажет! Она его... Любит.

Снежка выбежала в большую комнату и схватила его гимнастёрку, висевшую на стуле. И прижала к лицу. Она пахла Владимиром...

Снежка вернулась к себе, упала на кровать. И долго так лежала, пока не заснула, наконец. В обнимку с его гимнастёркой...

Владимир смотрел в окошко и с тоской наблюдал, как мимо один за другим проносятся верстовые столбы, километр за километром отдаляя его от Снежки. Петро, его штатный водитель, без умолку болтал о чём-то, но Владимир ничего не слышал...

Он оставил Снежку одну. Без присмотра. И без защиты.

Послушается ли она, усидит ли дома? Она такая поперечливая...

Владимир скрипнул зубами и помотал головой. Лишь бы только не поехала в Ленинград узнавать о судьбе отца! Этого он боялся больше всего! Ему она помочь всё равно ничем не сможет. Но, если сама объявится в Управлении НКВД, те, кто сообщил в мединститут об аресте комдива Добрича, смогут добраться и до его дочери! Владимир чувствовал, что и арест комдива, и исключение Снежки из института – это звенья одной цепи.

Чёрная тьма грозовым облаком клубилась над её золото-волосой головой...

Она стояла такая красивая в лучах заходящего солнца, когда он обернулся, чтобы посмотреть на неё и полюбоваться ещё хотя бы мгновение! Владимир зажмурился и неожиданной ясностью снова увидел её, нежную и сероокую. Так трогательно и беззащитно прижавшую свои маленькие ладошки к груди...

Он должен её защитить! Он должен что-то придумать!

А может, написать рапорт о переводе на Дальний Восток, в ОКДВА? Пока ещё не поздно и никто не знает, что Снежана Добрич стала Анной Иволгиной.

На самом деле, имя Аня ему вовсе не нравилось, но Снежана – такое редкое имя! Наверное, самое редкое в мире! А девушка, которая его носит, вообще, единственная такая на целом свете!

Решено! Он напишет рапорт, и они уедут! Он готов перевестись даже с понижением! Хоть комполка, хоть комэска! Лишь бы увезти её, как можно дальше от этой страшной ползучей тмени, что распростёрлась над ней!

Он вернётся всего через полторы недели, повторял про себя Владимир снова и снова! Всего через полторы недели! Она будет сидеть дома и никуда не выйдет, и никому не откроет, и не ответит ни на один звонок, повторял он, как молитву!

В бригаде знают о его командировке и звонить не будут.

И сам он, само собой, звонить домой не станет! Значит, позвонить может только Снежкин враг!

Ну, почему он не объяснил ей ничего, почему не рассказал о своих подозрениях?!

Чтобы её не тревожить, сказал себе Владимир! Она и так пережила столько бед за эти дни! Внезапный арест отца. Холодное жестокое исключение из комсомола и института. Этот скоропалительный, несчастный брак. И его собственная, непроходимая тупость!.. Он унизил и оскорбил её, а потом не придумал ничего лучше, как напиться в стельку! Он должен был её любить, беречь и защищать! А он...

Он вернётся из командировки и всё исправит! И тогда она поверит ему! Может быть, и не полюбит уже никогда, но хотя бы перестанет ненавидеть!

Глава пятая

Вообще-то так не бывает...

Владимир вернулся в своё купе и увидел незнакомую красивую женщину. Лет тридцати на вид. Она сидела, нога на ногу, слегка облокотившись на столик. Пушистые рыжие волосы были искусно уложены. Шёлковая голубая блузка со спущенными рукавами открывала нескромному взгляду белоснежные плечи и глубокую ложбинку между грудями. Ничем не стеснёнными. Собственно говоря, эта блузка, вообще, мало что скрывала. Так же, как и чёрная юбка, обтягивающая длинные стройные ноги.

Владимир судорожно сглотнул. Пока он ходил на вокзал, чтобы позвонить в штаб бригады от военного коменданта, ему подсадили такую очаровательную соседку!

Но, ведь, так нельзя!

Нет, может быть, и существуют какие-то инструкции на тот счет, чтобы в мягком вагоне не селить в одно купе незнакомых мужчину и женщину. Но он никогда об этом не задумывался. Потому что никогда ещё не оказывался в таком соседстве! А, может, это неписанные инструкции? И поэтому не все проводники их знают? Так или иначе, но до сих пор Владимиру ездить наедине с прекрасными незнакомками ещё не доводилось. Впрочем, учинять скандал по этому поводу он не собирался. Потому что незнакомка действи-

тельно была хороша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.